

ВЫБОР РЕДАКЦИИ TRENDBOOKS

СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Ева Чейз

Ева Чейз
Стекло́нный дом
Серия «Trendbooks»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70079383
Стекло́нный дом: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023
ISBN 978-5-00211-003-2*

Аннотация

Среди деревьев, плотно скрывающих особняк Фокскот от любопытных глаз, находят младенца. Чья эта девочка? Кто ее подбросил? Харрингтоны не верят своему счастью. Ужасная трагедия почти положила конец их семье. Найденный ребенок наполняет их надеждой, лучи которой проникают в самые темные комнаты особняка...

Тем летом 1971 года им кажется, что все возможно. Даже выдать девочку за собственную дочь. Даже умолчать о трупе, пролежавшем в лесу возле особняка несколько дней. Но все тайное однажды становится явным. Быть может, дочерям особняка Фокскот пора наконец узнать, что случилось несколько десятков лет назад в том лесу?

Содержание

1	6
2	14
3	24
4	33
5	41
6	48
7	63
8	68
9	81
10	89
11	96
12	106
13	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ева Чейз

Стеклянный дом

Моей семье

В чем смысл жизни? Вот и все – простой вопрос. Вопрос, от которого с годами все сложнее скрыться. Великое откровение до сих пор не пришло. Великое откровение, может, вообще никогда не приходит. Вместо него случаются маленькие повседневные чудеса, озарения, внезапные вспышки спичек во тьме; это было как раз оно. Вирджиния Вулф, «На маяк»

Eve Chase
The Glass House

* * *

Text Copyright © Eve Chase Ltd, 2020

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

Изображение папоротника на обложке © Наталья Славецкая

Изображения на обложке использованы по лицензии Shutterstock

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

* * *

Тело в лесу

29 августа 1971 года

Газета «Глостерширский дознаватель»

Вчера в лесу Дин на участке вблизи одного из домов было обнаружено тело. Следствие рассматривает смерть как подозрительную. Шокированные местные жители рассказали «Дознавателю», что дом, носящий название Фокскот, принадлежит семейству Харрингтон, переехавшему сюда в начале месяца после пожара в их лондонском доме. Житель Хоксвелла, близлежащей деревни, пожелавший сохранить анонимность, сказал: «Мы все молимся, чтобы это оказался просто несчастный случай. Такие вещи не должны происходить в наших тихих местах. Тем более с такой семьей, как Харрингтоны».

1

Рита

лес Дин, 4 августа 1971 года

ЛЕС ВЫГЛЯДИТ ТАК, будто способен сожрать их заживо, думает Рита. Свет приобрел странный зеленый оттенок, ветви хлещут по окнам автомобиля. Она покрепче сжимает руль. Аллея становится еще уже. Не зная, проскочила ли поворот к дому или еще не доехала, Рита слишком быстро влетает в изгиб дороги, а потом резко жмет на тормоз.

Она втягивает воздух ртом и широко распахивает глаза, уставившись в заляпанное насекомыми лобовое стекло «Моррис Майнор». Рита сама не знает, что ожидала увидеть. Что-то более изящное. В духе семейства Харрингтон. Точно не *это*.

За высокими ржавеющими воротами особняк Фокскот торчит из подлеска, будто комок руды, вытолкнутый на поверхность геологическим сдвигом. Исполненный ветхой красоты, дом пьяно моргает двустворчатыми окошками в штрихах вечернего света. Исполинские деревья нависают над кровлей из красной черепицы, просевшей посередине, словно переломанный позвоночник, из-за чего печные трубы торчат под странными углами. По фасаду, отделанному древесиной и кирпичом, вьется плющ, густой, пышный, на-

селенный дюжинами мечущихся пташек и тучами пчел. Рита и представить себе не могла, что это место будет настолько отличаться от изысканного лондонского дома Харрингтонов.

Несколько секунд все в машине молчат. Невидимый дятел где-то в деревьях выстукивает свой особый ритм, оповещающая всех о том, что здесь его территория. Из-под левой коленки Риты катится капелька пота. Она только теперь замечает, что у нее дрожат руки.

Хотя Рита приложила все усилия, чтобы скрыть это от Джинни и детей, она запаниковала с того самого момента, как они свернули на лесную дорогу, – почти через пять часов после отъезда из Лондона. Дело не только в том, что Рита боится угробить своих драгоценных пассажиров. Время от времени ее и впрямь подводило зрение – мешали зеленые исполины, закрывавшие небо, и мысль о том, каким твердым может быть ствол дерева, если врезаться в него на скорости пятьдесят миль в час. Теперь, когда они благополучно пережили путешествие, она прикрывает рот рукой. Все происходит слишком быстро. Как, черт возьми, она оказалась *здесь*? Не где-нибудь, а в лесу! Она ненавидит леса.

Рита планировала поработать няней в Лондоне.

Четырнадцать месяцев назад она оказалась там впервые в жизни. Но как долго Рита о нем мечтала, представляла, какой станет, когда окажется там, вдали от Торки и своего прошлого. А городское семейство – прямо как Дарлинги из «Питера Пэна» – примет ее как родную. Они будут жить в

высоком теплом доме, где нет пожирающего монетки счетчика электричества, как в домике старой Нэн. У нее появится своя спальня со столом и полкой, может, даже с видом на бурную городскую жизнь. А мать семейства будет... Ну, просто идеальной. Деликатной, доброй, мягкой. Утонченной. С крошечными мочками ушей и порхающими, словно птички, руками. Как ее собственная мать, которую Рита смутно помнила. Словом, все то, что она потеряла в аварии – и с тех пор в глубине души стремилась вновь обрести.

В утро собеседования Рита взглянула на особняк в Примроуз-Хилл, украшенный сахарного цвета лепниной и увитый глицинией, и сразу поняла, что это он. Ее новый дом. Новая семья. По коже побежали мурашки. Рита постучала в красивую дверь. Сердце колотилось под блузкой – она надела свою самую нарядную, хоть и далеко не лучшую по лондонским меркам. Теперь эта блузка занимает почетное второе место среди ее одежды – практичной, неброской, зачастую коротковатой. В багажнике лежит все, что удалось спасти после пожара, вспыхнувшего в том самом лондонском доме на прошлых выходных. Даже после долгой стирки в прачечной одежда пахнет дымом.

Рита бросает взгляд на Джинни, сидящую на пассажирском сиденье. Она одета в новенький наряд из «Хэрродс», будто протестуя против отъезда из Лондона, и изо всех сил сжимает в руках сумочку. Джинни выглядит хрупко, расстроено. В этой креповой юбке кремового цвета с туго затя-

нутым поясом, пудрово-голубом кашемировом кардигане и белом шелковом шарфе, намотанном на шею-стебелек, точно повязка, особенно заметно, как сильно она похудела. И снова на ней эти солнечные очки в черепаховой оправе с огромными стеклами размером с крышечки от джема «Хартли». Она всегда надевает их после того, как всю ночь плакала.

Джинни не хотела уезжать из «Клариджа». (Рита тоже не хотела: она впервые попала в место, где не нужно было самой заправлять постель. Горничная отказывалась принимать ее помощь, даже когда подворачивала уголки на матрасе – самый сложный момент.) И уж точно Джинни не хотела ехать сюда. «Ужасное место. Уолтер просто хочет меня изолировать», – прошептала она прошлым вечером, пока дети не слышали. Окидывая взглядом особняк Фокскот, Рита невольно задумывается, что Джинни, возможно, права.

Когда она только начала у них работать, все было иначе. Рита помнит, как во время собеседования Джинни вслух зачитывала ее рекомендацию и улыбка медленно расплзалась на ее лице, а руки поглаживали круглый, словно солнышко, глубоко беременный живот. «Верная, добрая, мои четверо детей ее обожают. Великолепно справлялась с малышом. Со стиркой и готовкой – похуже. Очень нервный стиль вождения. Наняла бы ее снова не задумываясь».

Уолтер отнесся к ней без особого интереса. Сдержанный человек с аккуратными, ухоженными усами, жилистый, в ко-

ричевом костюме по фигуре, он вел себя дружелюбно, но по-деловому. Проворно пожав ей руку, он извинился, послал детям воздушные поцелуи и умчался на работу, оставив за собой шлейф мыльного аромата пены для бритья. В то время Уолтер охотно оставлял ведение домашнего хозяйства на жене. Сам он управлял главным офисом компании «Харрингтон Гласс» в Мейфэре, а никак не семейным гнездышком. И казался вполне милым. Если и были какие-то тревожные знаки, которые должны были ее насторожить, Рита их не заметила.

Ей, как никогда в жизни, хотелось заполучить эту работу. Осторожно присев на диван, она крепко переплела пальцы, чтобы руки не суетились, и скрестила пыльные лодыжки, подоткнув ноги под себя, как учила Нэн («Так ты будешь казаться меньше, милая. Женственнее»). Рита очень старалась не слишком много улыбаться, чтобы выглядеть профессиональнее и взрослее своих двадцати лет. Чтобы показать, что она достойна этого теплого местечка.

Джинни позвала в гостиную Тедди, которому тогда было пять лет. «Он просто чудесный», – сказала она. И не обманула. Рита с трудом сдержала желание потрепать его по кудрявой макушке. Потом появилась двенадцатилетняя Гера, далеко не такая чудесная на первый взгляд, и, будто стараясь исправить впечатление, протянула ей кусочек торта – Джинни называла его французским словом «patisserie» – на тонком фарфоровом блюде с крошечной серебряной вилоч-

кой. Гера принялась смущенно объяснять, как произносится ее аристократичное имя, а Рита взяла в руки тарелочку. Она качнулась, и торт свалился прямо на ворсистый ковер рядом с аспидистрой в горшке. Гера хихикнула. Рита встретилась с ней взглядом и, к своему ужасу, невольно издала ответный смешок, который тут же попыталась замаскировать кашлем. Это был полный провал. Рита уже понимала, что придется паковать чемоданы и возвращаться в домик Нэн, где ждала пресная провинциальная жизнь и собственная уродливая тайна. Но, как призналась потом Джинни, именно этот смешок окончательно убедил ее остановить свой выбор на Рите. Ей хотелось, чтобы у малышки была веселая молодая няня, а не какая-нибудь сердитая старая кошелка.

Но малышке так и не довелось услышать смех Риты. И ничей другой. Она осталась крошечным призраком, неподвижной бледной куклой, застывшей во времени, незримым присутствием, которое все ощущают, но о котором никогда – не дай боже! – не упоминают. А Рита... Кто она теперь? Не просто веселая молодая няня. И ее заботы не сводятся к тому, с чем дети будут пить чай.

Кажется, даже деревья смотрят на нее с осуждением, покачивая зелеными головами. «Наш маленький договор» – вот как это называет Уолтер. Когда он пришел к ней с таким предложением два дня назад, Рита и слышать об этом не желала. Ее пугала неясность его мотивов. «Вам нужно *подумать*? – фыркнул Уолтер. – Это работа, а не меню в ре-

сторане, Рита». Выбор был тяжелый: либо соглашайся, либо увольняйся («немедленно и без рекомендации»), а взамен наймут кого-нибудь поговорчивее.

«Мне нужно остаться в Лондоне, не могу бросить дела, так что вы будете вести журнал, отслеживая психическое состояние моей жены. – Уолтер пригладил волосы на стремительно лысеющей макушке. – Держать меня в курсе: в каком она настроении, хорошо ли питается, заботится ли о детях. Разумеется, я рассчитываю на исключительную осторожность с вашей стороны. Моя жена не должна об этом узнать».

Мысли Риты заметались. Во-первых, если она уволится, куда ей идти? Как жить? Нэн умерла несколько месяцев назад – то, что она приняла за сильное несварение, оказалось намного серьезнее, – и ее домик вернулся в собственность муниципалитета. Рита была полна решимости достойно проводить Нэн в последний путь и поставить ей надгробие. На это ушли все ее сбережения.

И еще ей невыносимо было даже подумать о том, чтобы бросить Джинни, Геру и Тедди, когда они особенно в ней нуждаются. Это все равно что поставить на них крест. Все равно что сказать: «Я больше ничем не могу вам помочь», хотя Рита знает, что может. Ей знакома боль, знакомы шрамы, которые она оставляет – не на коже, а внутри, на нежной изнанке души. (И каково это – расти непохожей на всех, как Гера, и вечно чувствовать себя не в своей тарелке.) Так что, конечно, уж лучше она сама будет «докладывать» о состоя-

нии Джинни до конца лета, привирая по необходимости, чем какая-нибудь новая строгая няня, решила Рита. Буквально сегодня утром это решение еще казалось ей правильным. Но теперь, когда они очутились здесь, в окружении мрачных исполинских деревьев, в такой глуши, что кажется, будто на всей планете никого больше не осталось, ее одолевают сомнения. Во рту пересохло. На языке металлический привкус предательства.

– Рита? – Джинни легонько касается ее плеча, прерывая бегущие по спирали мысли. После утренней дозы таблеток ее голос все еще звучит невнятно – именно поэтому за рулем сегодня Рита. («Странно. У меня перед глазами светлые пятна», – заметила Джинни, пока они завтракали идеально сваренными яйцами пашот в отеле.) – Вы готовы?

– Ох, да! Извините.

Щеки Риты вспыхивают. Все ее муки совести буквально на поверхности.

– Что ж, давайте покончим с этой отвратительной задачей? – мрачно шепчет Джинни.

Рита кивает и берется за рычаг переключения передач. Выдавив улыбку ради детей, Джинни произносит громким, бодрым голосом:

– Ну, здравствуй, Фокскот! Настоящее приключение. Вперед, Большая Рита. Везите нас к дому.

Сильви

Кенсал-Таун, Лондон, наши дни

Я ВЫТАСКИВАЮ ИЗ ДОМА последнюю картонную коробку и несу ее к машине, придерживая руками провисающее дно, чтобы кусочки моей жизни не рассыпались по улице. Не хочется устраивать сцену. Я оглядываюсь на дом. Глаза щиплет. Вот и все, значит? Мой семейный дом, прямо как брак, в котором я застряла на долгие годы, в конце концов избавился от меня?

Картонные коробки подпирают мою замужнюю жизнь с обеих сторон. Приезд и отъезд. Ликующие возгласы и всхлипы. Когда мы только переехали сюда девятнадцать лет назад, я была на пятом месяце беременности. Востребованная визажистка с чемоданчиком косметики наготове, готовая по звонку вылететь на съемку за границей. У меня не было никаких сушилок для салата. Я никогда в жизни не меняла подгузники. Мое помолвочное кольцо – старинное золотое с ярко-зеленым изумрудом – некогда принадлежало двоюродной бабушке Стива и каждый раз вызывало у меня улыбку, стоило мне только взглянуть на него. Пожениться мы планировали после того, как я скину набранные за время беременности килограммы (в итоге я скинула не все). Я выбрала кружевное

винтажное платье цвета слоновой кости и туфли с Т-образным ремешком на подъеме, как у Кортни Лав. Мы танцевали свадебный танец под «Common People»¹ группы Pulp и ни за что бы не поверили, что однажды расстанемся. Но точно так же я бы не поверила, что эта улица так сильно изменится.

В то время здесь было дешево по меркам второй зоны, имелась кебабная забегаловка, жил местный сумасшедший, ругавшийся матом на фонарные столбы, и пышным цветом цвели наркопритоны. Двери домов были выкрашены в кирпично-красный цвет. Теперь они все в основном слякотно-серых оттенков. На месте кебабной обосновался цветочный магазин с раскрученным профилем в соцсетях, торгующий алыми георгинами. На улице подрастают как минимум пять девочек по имени Софи. Чуть ли не в каждом доме стоит соковыжималка. Если бы мы сейчас захотели купить наш дом, он оказался бы нам не по карману. Мы? Опять эти мысленные оговорки. Никак не отвыкну.

Я шепотом говорю «прощай». Весь месяц я потихоньку перевозила коробки из дома в свою крошечную квартиру, пока Стив был на работе. Теперь, когда работа окончена, я чувствую прилив воодушевления. Но сердце все-таки ноет. Его захлопнуть сложнее, чем входную дверь. Так много воспоминаний осталось в этом доме, словно солнечный свет, пойманный в банку: стена в ванной, на которой мы отмечали карандашом рост Энни; нежно-розовая роза, которую мы

¹ «Обычные люди» (англ.). Здесь и далее примечания переводчика.

посадили на могилке Салатика – кролика Энни; папки с журнальными вырезками времен моей молодости, когда я писала статьи и крутость работы интересовала меня больше, чем достойная оплата. Теперь у меня не будет кладовки. И сада тоже не будет. И оплачивать счета придется в одиночку.

Стив продолжает называть это пробным расставанием. Когда я впервые заговорила об этом полтора месяца назад, он мне не поверил. Мы ели пасту с креветками в раздраженном молчании. Меня неделю не было дома, я работала на съемках каталога одежды для активного отдыха в Шотландии: сплошной вельвет, дрожащие модели и проливной дождь. Стив пропустил вывоз мусора – пункт А в списке его преступлений, – так что нам предстояло еще две недели жить с рассортированными отходами, а мусорное ведро и так уже было забито до отказа. Но на самом деле проблема была в другом. В нашем браке накопилось много слоев мусора (пункты В – Z).

Я смотрела, как Стив пальцами отрывает голову креветке, мурлыча себе под нос. Его лицо – темные брови с изломом, шрам на подбородке, заработанный в детстве при падении с велосипеда, – выглядело так знакомо, что я как будто совсем перестала его видеть.

– Ну что я опять сделал не так? – сказал он, не глядя на меня.

Я отложила вилку. Слова сами выскочили изо рта:

– Стив, я так... с тобой... больше не могу.

Прошло несколько секунд. Стив часто заморгал. Он ждал, что я извинюсь или спишу все на гормоны. Из колонок зазвучала «Perfect Day»² Лу Рида. В другой ситуации мы бы посмеялись над такой иронией. Но не в этот раз. Теперь казалось, что мы уже никогда ни над чем вместе не посмеемся.

– Но я люблю тебя, – ошарашенно выговорил Стив.

И в то самое мгновение – вечер, восемь одиннадцать на часах, девятнадцатое июня – я поняла, что он сказал это искренне, от всего сердца, но еще – что он просто не представляет своей жизни без меня, а это совсем не то же самое. Потом я подумала о нашей восемнадцатилетней дочери Энни, которая прямо сейчас, пребывая в блаженном неведении, отмечала успешную сдачу последнего выпускного экзамена где-то в Камдене. Подумала – и разрыдалась. Да что же я творю?

Любовь. Стабильность. Надежное пристанище. В ту самую секунду, когда Энни, мое бесценное сокровище, вошла в этот мир, я пообещала, что у нее все это будет. Я не тосковала об утраченной свободе, хотя вскоре после родов моя карьера съезжилась, как кашемир в горячей воде. Я уже не могла уезжать надолго и работать до поздней ночи. Я была вымотана. Я растолстела, даже ноги опухли. Но тут уж ничего не поделаешь: при всем при этом я была глубоко, потрясающе счастлива – возможно, впервые в жизни. Все мои ориентиры сменились. Так что да, я решила, что обязательно

² «Идеальный день» (англ.).

стану хорошей матерью. Все остальное уже не имело значения. Я готова была отдать Энни все, что имела.

Ради этого я очень постаралась не думать о Лизе из отдела кадров – слегка за тридцать, блондинка с балаяжем, пролила свой «негрони» на мое лучшее платье от «Изабель Маран» на рождественском корпоративе у Стива – и (я уверена процентов на пятьдесят пять) о женщине, с которой он играет в паре в теннисном клубе. И о других, о существовании которых я смутно догадывалась в последние годы, но не могла ничего доказать.

Когда с самого детства приходится прятать в дальний угол то, что причиняет боль, – а для меня это все, что произошло много лет назад в одном лесу; те самые вопросы, заставлявшие мою мать резко останавливаться с таким лицом, будто у нее сердечный приступ, – со временем ты учишься мастерски отгораживаться от неприятных мыслей. И хранить секреты. Только вот оказывается, что секреты никуда не уходят. Как моль в гардеробе, они продолжают незаметно грызть изнутри, пока ты в конце концов не обнаруживаешь дырку.

В этом году Энни окончила школу, и я почувствовала, как у меня внутри неожиданно что-то щелкнуло. Как переключение скоростей на велосипеде: сначала странное чувство потери контроля, а потом все встает на свои места. Тихий голосок в голове зашептал: «Тебе сорок шесть лет. Если не уйдешь сейчас, то когда? И вообще, какой пример ты подаешь Энни? Она бы хотела видеть тебя счастливой».

Энни восприняла все иначе.

– Так ты все это время жила во лжи? Притворялась?! – возмутилась она, когда я сообщила новость, отчаянно стараясь подать все это как «осознанное расставание» в стиле Гвинет Пэлтроу (громко сказано, конечно).

Мне не хватило духу рассказать ей об измене Стива, поскольку это все взрослые проблемы и унижительная история лично для меня. И потом, это тоже не только причина нашего расставания, но и один из его симптомов. К тому же, несмотря ни на что, он всегда был замечательным отцом. Поэтому я сказала:

– Мы единодушны в нашей любви к тебе, Энни. Это самое важное.

Я не лукавила. Но, когда я попыталась ее обнять, она меня оттолкнула.

– Почему ты меня не предупредила? Знаешь что, мам? Вот так всю жизнь. Ты такая: «Ля-ля-ля, все прекрасно, просто не задавай лишних вопросов».

Я вздрогнула, почуяв, что задела какую-то другую струну, поглубже. Скрытую жилу обиды, которая намного обширнее, чем наше со Стивом расставание.

– И все это такая хрень.

На следующий день Энни сбежала в Девон к моей матери, чтобы поплакаться на сочувственном бабулином плече.

– Сейчас она лежит на диване, ест мое домашнее карамельное мороженое и пересматривает «Девчонок» по теле-

визору, — успокоила меня мама, когда мы созвонились вечером. — Конечно, она тебя не ненавидит! Да нет же, прекрати, Сильви! Ты чудесная мать. Просто для нее это потрясение. Она чувствует себя обманутой. Ей нужно время, чтобы переварить новости. Как и нам всем, — добавила она, и я восприняла это как шпильку в свой адрес.

Маму я тоже не предупредила. Мы обе привыкли сообщать сложные новости только тогда, когда это необходимо. Яблочко от яблоньки недалеко падает.

— Пусть этим летом отдохнет у моря. Я за ней присмотрю, не волнуйся. А вот кто позаботится о тебе?

Я рассмеялась и сказала, что сама в состоянии о себе позаботиться. Да, однозначно. Но после долгих лет в браке мне еще предстояло выяснить, кто я такая.

— «Кто ты такая»? — тихо повторила она после нескольких секунд многозначительного молчания и быстро сменила тему.

Энни очень скоро устроилась на работу и нашла себе парня. По телефону она часто говорит — не вполне убедительно, — что там плохо ловит сеть, и обещает перезвонить позже, но так и не перезванивает. Если я спрашиваю про нового парня — она по нему с ума сходит, если верить маме, — Энни тут же заканчивает разговор, как будто я лишилась права на доверительные беседы. Можно мне с ним познакомиться? Тишина. Когда она вернется в Лондон и заглянет в мою новую квартиру? «Скоро, — говорит она с приглушен-

ным смешком, как будто этот самый парень сидит сейчас рядом с ней, уткнувшись носом ей в шею. – Мне пора. Люблю тебя. Да, я тоже скучаю, мам».

По крайней мере, ей весело, думаю я, паркуя машину на моей новой улице, далеко не такой приятной, как старая, и доставая коробку из багажника. Я уже слышу летний пульс многоквартирного здания. Из открытых окон, перекрывая друг друга, доносятся возгласы детей, собранных где-то вместе, хип-хоп, болтовня спортивного комментатора по радио – «Гол!» – и голос оперной певицы, во все горло отрабатывающей гаммы где-то на третьем этаже. За мной лениво наблюдает стайка подростков в толстовках с капюшонами. Прислонившись к стене, изрисованной граффити, они покуривают траву. Я широко улыбаюсь им, показывая, что меня не так-то легко запугать, и решительно преодолеваю четыре лестничных пролета с увесистыми остатками своей замужней жизни в руках.

Такие многоквартирные дома риелторы называют «стильный индастриал» – смесь государственных и частных квартир с бетонными тротуарами и балконами с видом на канал Гранд-Юнион. Моя квартира – две маленькие спальни, та, что получше, уже приготовлена для Энни, но до сих пор не использована по назначению – принадлежит моей понимающей старой подруге Вэл и обычно сдается на «Эйрбиэнби». Просто мечта: безупречные розовые стены, увешанные рамками, как в галерее, побеленные половицы в стиле «скан-

ди», берберские коврики и огромные, неубиваемые растения с глянцевыми листьями. И, что особенно важно, квартира находится всего в паре остановок метро от нашего старого дома, так что Энни легко сможет перемещаться между мной и Стивом, как ей угодно. Если, конечно, захочет.

Я бросаю коробку на пол. Жаль, некому крикнуть: «Поставь чайник!» Тишина преследует меня, как кошка мышку. Я включаю радио и распахиваю стеклянные балконные двери, раскинув руки и запрокинув голову, представляя себя героиней французского фильма. В комнату врывается шум города, запах канала и дизеля и пропитанная пивом жара, так свойственная концу июля. Я подставляю лицо солнцу и улыбаюсь. У меня все получится.

Хотя прошел уже месяц, вид с балкона по-прежнему для меня в диковинку, будто большой серый Лондон распахнул свое зеленое сердце и впустил меня в него. Пейзаж цвета чая матча – городское шоссе для стрекоз, бабочек и птиц. Есть и другая занятная фауна: особь слегка за тридцать, любит шляпы, по вечерам играет на гитаре и поет – фальшиво и, как ни странно, ни капли не стесняясь – на палубе своего нэрроубота³. Еще здесь живет цапля. Я, недавно покинувшая собственное гнездо, чувствую странное духовное родство с этой невзрачной городской цаплей – неловкой, но упрямой и далеко не желторотой птицей – и невольно вижу в ней символ своей новой свободы. Сегодня она пока не заглядывала.

³ Разновидность канального судна, распространенная в Великобритании.

Я опираюсь локтями на перила. Мои темные кудри начинают пушиться, а мысли неустанно дергаются вперед, как стрелка часов; устремляются к работе, потом к вопросу о том, во сколько допустимо выпить бокал вина, чтобы не было уж слишком рано, а потом к Энни. Перед мысленным взором встают картины. Вот мама шагает по пляжу, усадив малышку Энни к себе на плечи. Вот Энни свернулась в клубочек на диване, точно зверек, в гнезде из подушек, обложенная гаджетами; ее веснушки, оранжевые как хурма, не повторит никакая кисть визажиста. Я скучаю по этим веснушкам. Скучаю по ней. И я до сих пор отчетливо помню, как будто это было пару часов назад, как я ощупывала подушечкой пальца ее первый зубик, еще скрытый под воспаленной алой десной и рвущийся наружу.

Краем глаза я замечаю, как цапля, моя птица свободы, спускается на берег канала и замирает, точно статуя. Я улыбаюсь ей. У меня звонит мобильник. Увидев незнакомый номер и подозревая, что это спам, я сбрасываю. Звонок повторяется.

– Алло... Простите?... Да, Сильви. Сильви Брум... Что? – У меня перехватывает дыхание.

Цапля распахивает огромные крылья и не двигается, застыв в стремлении к полету. Время замедляется. Слова «несчастный случай» занозой вонзаются в запекшийся лондонский день. А потом в воздухе раздается плеск крыльев, и все – моя цапля улетела.

3

Рита

С ЗАРОСШЕЙ ОБОЧИНЫ выскакивает фазан, и Рита вздрагивает. Она ждет, пока птица благополучно скроется в лесу, и только потом въезжает в ворота особняка Фокскот. И тут же морщится от царапающего металлического звука. Остается лишь надеяться, что Джинни его не услышала. Пусть первый день пройдет гладко, безо всяких дурных знамений.

– Машина сказала «ай», – объявляет Тедди с заднего сиденья. Он вытянулся во всю длину, уложив голову на колени старшей сестре и уперев босую ногу в стекло. Расстегнутые лямки его комбинезона раскачиваются из стороны в сторону. Почти всю дорогу Тедди дремал, в то время как Гера не теряла бдительности, набив щеки «Блэк Джеками»⁴. – Но не волнуйся, Большая Рита. В этот раз ты поцарапала ее с другого бока. Теперь с обеих сторон будет поровну, – мило добавляет он.

Рита поворачивается к Джинни.

– Простите, пожалуйста. – Главным образом за то, что она согласилась втайне вести журнал для Уолтера. Только сказать об этом нельзя.

⁴ Black Jack – жевательные конфеты (англ.).

Джинни пожимает плечами и улыбается. Это первая искренняя улыбка за весь день, как будто ее радует новая царапина на машине мужа. Рита не понимает, что творится между супругами Харрингтон. Каждый раз, когда ей кажется, что она поняла, появляется что-нибудь, что переворачивает все с ног на голову. Как тот нож.

Через два дня после пожара Джинни призналась, что спрятала от Уолтера вещи, предназначавшиеся умершей малышке, – он запретил «любые напоминания» о ней – под кроватью и теперь боялась, что больше никогда их не увидит. Рита тут же предложила за ними сходить. Она не понаслышке знала, что воспоминания нужно оберегать, как редкие драгоценности: такие маленькие, но такие бесконечно значимые.

По тонкому слою пепла Рита на локтях заползла под супружеское ложе Харрингтонов, зацепившись за край хохолком на макушке, и в конце концов нашла нежно-розовый вельветовый мешочек для обуви, плотно набитый вещами: одеяльце, кружевные пинетки и серебряная погремушка от «Тиффани», с которой малышке так и не довелось поиграть. Но, когда Рита уже начала вылезать и чуть не застряла – опыт показывал, что выбраться из неудобного положения бывает намного сложнее, чем попасть в него, – то заметила кухонный ножик, подоткнутый под матрас прямо на уровне подушки, будто ждущий, когда рука Джинни свесится с кровати и схватит его. Мысль об этом до сих пор пугает Риту.

Неужели Джинни чувствует себя в опасности в присутствии мужа? Неужели Уолтер причинял ей боль? Он сам сказал бы, что у нее паранойя, а нож – это еще один тревожный признак трагически помутившегося рассудка, болезни, которая тенью легла на всю семью. Но так сказал бы Уолтер.

В конце концов, именно он и нанятый им врач отослали Джинни в «Лонс» через месяц после смерти малышки. Рита, которой доверили забрать ее спустя долгие восемь месяцев, никогда не забудет это место – фасад деревенского коттеджа, женщин с пустыми глазами, бродивших по саду в длинных ночных рубашках. Она заговорила с милой бабушкой, которая укачивала на руках подушку. Незнакомка рассказала, что живет здесь пятьдесят три года и уже сорок лет ее никто не навещал. Рита и представить не могла, что такие учреждения существуют. И поклялась сделать все, чтобы Джинни туда больше не вернулась.

– Ну. Вот. И все. – Рита глушит двигатель. Ее окутывает густая, мягкая тишина, будто уши заложило.

Оглядевшись по сторонам, она замечает небольшой коричневый автомобиль, со всех сторон изъеденный ржавчиной, припаркованный под разросшейся жимолостью. И не только он пребывает в таком печальном состоянии. Фокскот явно давно уже проиграл битву с лесом. Мощные корни деревьев во многих местах проломили ограду. В образовавшиеся пробоины нагло пролезла крапива, а колючий шиповник расплзся по дорожкам, будто стремясь забраться в дом.

Весь участок зарос. Рита надеется, что энергия детей поможет оживить это место.

– У-у! – вопит Тедди, распахивая дверь машины и устремляясь к деревянному крыльцу Фокскота.

В салон врывается лесной воздух, резко пахнувший зеленью, и, как ни странно, этот аромат кажется Рите знакомым, хотя и давно забытым. Волоски у нее на руках встают дыбом, будто наэлектризованные трением о воздушный шарик.

– Зачем мы вообще сюда приехали? – Гера будто не вопрос задает, а бросает камень с заднего сиденья.

Настроение падает под прямым углом. Рита не спешит отвечать, не желая подрывать авторитет Джинни, и напряженно наблюдает. Джинни отодвигает очки на макушку, в гущу волнистых темных волос, и с опасливой нежностью смотрит на свою тринадцатилетнюю дочь через зеркало заднего вида.

Гера отвечает ей немигающим взглядом бледно-льדיстых, почти прозрачных глаз – они ей достались от Уолтера. Ее лоб закрывает челка с рваным краем. На прошлой неделе она стянула тупые кухонные ножницы и сделала себе такую стрижку, что ее мать буквально закричала от ужаса, когда ее увидела.

Джинни молчит, и тогда Рита поворачивается в кресле.

– Мы сбежали из грязного города до конца лета, – бодро заявляет она, хотя любит Лондон в августе, его беспокойную атмосферу и жару, пропитанную жирным запахом хот-догов. – Пока дом ремонтируют.

Джинни бросает ей благодарную улыбку.

– Но ты ведь всегда ненавидела Фокскот, мама, – возражает Гера.

Тедди, доверчивый, воспринимающий все буквально, ничего не понимает. Гера же, наоборот, понимает слишком много и беспрерывно подвергает сомнению то, что говорят родители. Она видела, как они недавно ругались в фойе: Уолтер обхватил Джинни за плечи, будто пытаясь вложить в нее толику благоразумия, а та отворачивалась от него, отказываясь смотреть ему в глаза. У Геры сейчас такое выражение лица, что она напоминает Рите ковшик с молоком, которое вот-вот выкипит.

– Вовсе нет, – тихо врет Джинни.

Рита закусывает щеку изнутри и чувствует себя неловко. Она знает, что у Джинни не было выбора. Ей пришлось поехать сюда, иначе у нее бы забрали детей. Рита была в шоке, когда Джинни призналась ей, что доступа к семейным средствам у нее тоже нет, кроме тех, которые выделены на ведение хозяйства;

что у привилегированной замужней женщины меньше свободы, чем у работающей на нее няни.

– Но... – начинает Гера, довольная тем, что впервые за долгое время полностью завладела вниманием матери.

– Ну, хватит, – перебивает Джинни. – Не сегодня, ладно, милая? И перестань есть конфеты. Испортишь аппетит перед полдником.

Гера хлопает дверью машины. Рита смотрит ей вслед, пока та топает к дому на рябых пухлых ногах. Если Джинни вдвое уменьшилась с тех пор, как умерла малышка, Гера, наоборот, стала вдвое больше. Рита находит обертки от конфет повсюду: в карманах Геры, под подушкой. За прошлый месяц она дважды попала на краже из школьного киоска.

В ночь, когда Джинни потеряла ребенка, что-то сломалось в душе Геры. Рита много раз пыталась поговорить с ней об этом, но та мгновенно замыкается, как моллюск в раковине. Ясно только одно: прошлогодние события не прошли для нее бесследно, тенью залегли на дне бледных глаз. И теперь Рита должна сдерживать ее вспышки гнева и ограждать их с Тедди от громогласных ссор родителей, сотрясающих дом до основания. (Рите часто кажется, что толку от нее – как от зонтика в девятибалльный шторм.)

– Хорошее начало, – вздыхает Джинни.

– Не волнуйтесь. Она скоро отойдет. – Почему-то Рита искренне верит в Геру. Эта вспыльчивая девочка трогает ее до глубины души. – Я возьму часть чемоданов и помогу ей устроиться.

Она выбирается с пассажирского сиденья, разминая затекшие длинные ноги, и обходит машину, понимая, что волнуют ее вовсе не чемоданы. Багажник открывается с приятным стуком, и Рита выдыхает – сама не заметила, когда успела задержать дыхание.

– Ну что, уцелел ваш драгоценный груз? – спрашивает

Джинни из машины.

— Да! — с улыбкой отвечает Рита. Ее природный оптимизм возвращается. — Цел и невредим.

— Я же говорила, между чемоданами ему ничего не грозит, Рита.

Террариум Риты — стеклянная теплица кукольных размеров — это единственная вещь, которая ей по-настоящему дорога. И единственная из ее вещей, не приносящая практической пользы. В ночь пожара, выпроводив Джинни и детей на улицу по темной задымленной лестнице, она попыталась вернуться за террариумом, но жар пламени помешал ей пройти. Рита забрала его в тот день, когда ходила за вещами малышки. Она словно воссоединилась со старым другом, безмолвным, но дорогим товарищем. Ставший домом для идеального замшелого камешка и нескольких растений, в том числе курчавого папоротника по имени Этель и еще одного, который она вырастила из крошечной черной споры (его зовут Дот), этот террариум остается единственной константой, соединяющей ее нынешнюю странную жизнь с Препней Жизнью.

Еще с тех пор, как она была маленькой — но все равно самой высокой девочкой в классе, которую никогда не выбирали на роль ангела в школьных рождественских пьесах, а в старших классах не приглашали на танцы, — у нее на подоконнике всегда стоял ботанический террариум погибшего отца. Она смотрит в него, как другие девушки — в зеркало.

Если прищуриться и взглядеться в него сквозь полумесяцы ресниц, можно перенестись за стекло, во все те ландшафты, которые она создавала внутри: пляж, сделанный из горсти песка; крошечный бонсай с изогнутым стволом, похожим на перекрученный серый носок; поле одуванчиков, спасенных из трещины в мостовой; и она сама в разном возрасте, разного размера. Мысленно путешествует по миру, помещает его под стекло, меняет его своими руками. И прячется в нем от страшного большого внешнего мира.

С трудом справившись с желанием первым делом отнести в дом террариум, она достает детские чемоданы и обходит машину. Под ногами хрустит поросший травой гравий. Рита наклоняется к Джинни, которая не сдвинулась с места:

– Давайте я и вашу сумку отнесу?

– Нет-нет. Я справлюсь. Идите в дом, Рита. Мне нужно немного побыть одной. – Она расстегивает сумку в поисках сигарет.

Рита медлит, опасаясь, как бы Джинни не прыгнула за руль и не помчалась обратно в «Кларидж» или даже в дом, вспыхнувший в годовщину рождения малышки. Об этом никто не упоминает. Пожарные объявили, что в случившемся виновата старинная лампа в форме пальмы, стоявшая в гостиной. А вот Рита в этом не уверена.

Мгновение затягивается, как нитка.

– Не волнуйтесь. Я просто выкурю сигаретку, Рита, – сухо произносит Джинни.

Рита краснеет и улыбается, успокоенная ее словами. Но, уже направляясь к дому, она слышит шипение зажигалки и тихое бормотание:

– Хотя я бы с удовольствием сожгла здесь все дотла.

4

Гера

4 августа 1971 года

КОГДА Я ВЫГЛЯНУЛА из окна спальни в то утро – с тех пор прошел год и одна неделя, – лондонское небо было голубым и неподвижным. Казалось, весь город задержал дыхание, дожидаясь, пока над крышами разнесется первый крик нашей малышки. Она должна была родиться на две недели позже. Я обвела предполагаемую дату ее рождения в своем перекидном календаре, нарисовав сердечко красным фломастером. Но соседи уже начали заносить нам стеклянные контейнеры с мясом в тесте и куриным салатом. У мамы, которая теперь ходила вразвалочку, как ковбой, временами случались «маленькие спазмики» – от этих слов мне на ум приходили птички, порхающие в саду.

После обеда я помогла ей застелить кровать старыми полотенцами, а потом разложить на полу газеты. Мы вместе посмеялись над бессмысленными стишками, которые отпечатались у нас на пальцах. Я постаралась не думать о том, для чего нужны газеты, и вместо этого начала представлять, каково это будет – взять на руки новую сестренку. (Я договорилась с Господом, чтобы он подарил мне сестренку, союзницу, лучшую подругу, которой у меня никогда не было, но забы-

ла взять с него обещание, что она останется со мной надолго.) Она была бы вся красная и сморщенная, как обсосанный пальчик, и выросла бы похожей на меня, только немного более невзрачной. Я представляла, как буду держать ее на руках, а люди будут говорить – так, чтобы мама услышала: «О, ты такая хорошая старшая сестричка, Гера. Ей так повезло, что у нее есть ты». А я буду скромно пожимать плечами, как будто это не я неделями тренировалась на соседском коте.

Но потом «спазмики» упорхнули. Ощущение было такое, будто вечеринку отменили в самый последний момент. Мы стали ждать. Приехала тетя Эди, и вокруг нее, как всегда, все закипело. Она уже давно заявила, что слишком умна для замужней жизни; носит белую рубашку с темно-синими брюками и работает в новостном журнале, который отправляет ее, вооруженную блокнотом и ручкой, за границу, в опасные места. В нее дважды стреляли. Она крутит романы с военными фотографами. Детские развлечения нагоняли на нее скуку. Всякий раз, когда тетя Эди ходила с нами в Риджентс-парк кормить уток, она то и дело сдерживала зевки, пропахшие кофейной гущей, и поглядывала на свои мужские наручные часы. За это я ее и любила.

– Ну, не будем тебя задерживать, Эди, ты спешишь обратно на передовую, – бормотала мама немного кислым тоном, и я невольно задумывалась: может, ей тоже скучно кормить уток, только она не может в этом признаться.

Мама гораздо больше любила тетю Эди в ее отсутствие.

На нее удобно было ссылаться в спорах с отцом, словно размахивая ярким флагом новой чудесной страны. Будущее принадлежит таким женщинам, как Эди, заявляла мама, с такой силой замешивая тесто, что его клочки летели во все стороны, оседая в неожиданных местах – например, на приподнятой папиной брови. Моя мама могла бы жить так же, как Эди, если бы не вышла замуж в таком юном возрасте – в девятнадцать – и не родила меня (через шесть месяцев после свадьбы). Я всегда чувствовала себя виноватой, когда она так говорила. Как будто мое появление помешало ей быть собой; как будто я затащила ее в прошлое, во времена, когда еще не было телевизоров.

Так вот, в тот вторник наша жизнь еще напоминала картинки из маминых журналов «Дом и сад». На обеденном столе лежали свернутые веером салфетки, а столешница блестела, будто зеркало. Я тогда была пухленькой, а не толстой. Мама еще оставалась в здравом уме. На ней было платье с яблочками, которое весело покачивалось на выпуклом животе от каждого движения. Пришла тетя Эди, принесла подарки для малышки: серебряную погремушку и желтое одеяло, мягкое, как сливочное масло. Зубами сорвала ценник, пока мама не видела. По выражению лица тети было понятно: жалеет о неудачно выбранном времени для визита. Она то думала, что до родов еще две недели. И вот – застряла. Как и мы все. Как и малышка.

Скоро мама начала кругами расхаживать по гостиной,

уперев руку в поясицу, то пыхтя, как закипающий чайник, то выпрямляясь с коротким, слабым смешком, приходя в себя. Тедди все это не нравилось. Тете Эди тоже. Она сказала:

– Господи, Джинни, хочешь, вызовем скорую?

Мама в ответ выкрикнула:

– Нет, я хочу быть мужчиной!

И не только ее слова зазвучали грубее – она и внешне переменялась, стала какой-то некрасивой. Лицо покраснелось и распухло. Даже ноги раздулись: если надавить на них пальцем, он бы утонул на целую фалангу. Когда она в своем яблочном платье начала расхаживать взад-вперед мимо залитого солнцем окна, ее живот уже был не округлый и выпуклый, он обвис, как будто его содержимое стало слишком тяжелым и просилось наружу. Мне страшно было представлять, как такой большой предмет выйдет из ее тела через такую же потайную щелочку, как у меня между ног. Я не понимала, как это возможно, но утешала себя тем, что она делает это не впервые.

Папа пораньше вернулся с работы, на ходу стягивая с себя галстук, и принес маме стакан воды, но она только отмахнулась, как будто он сделал что-то не так. После этого, оставив маму с тетей Эди, он уселся на металлическую винтовую лестницу, ведущую во внутренний дворик, и принялся курить сигареты одну за другой, хмурясь, как будто появление малышки требовало от него серьезной мысленной подготовки. Он часто так делал, пока у мамы рос живот.

В какой-то момент в холле зазвонил телефон. Мама с тетей Эди обменялись странными взглядами, а папа торопливо ответил на звонок и прошипел что-то в трубку, прежде чем бросить ее обратно. И остался стоять, прожигая взглядом телефон, а сигарета догорала в его руке и пеплом осыпалась на пол. Когда мама спросила, кто звонил, папа не ответил. Тетя Эди притворилась, что читает «Дом и сад». Так что открывать дверь акушерке отправилась я.

Мама начала хвататься за диван, будто боялась, что тот сейчас сорвется с места и галопом понесется по комнате. Ее локоны налипли на лоб, темные и засаленные.

– Тебе пора в кровать, – выговорила она, выдавив улыбку, и обняла меня. От нее пахло как-то непривычно. – К утру у тебя будет новая сестренка. – Потом мама громко втянула воздух сквозь зубы и добавила: – Побудь наверху с Большой Ритой, хорошо, милая? – Мне и самой хотелось поскорее уйти.

На верхнем этаже меня встретила Большая Рита, вышедшая из спальни Тедди с широкой улыбкой, будто пропитанная морем. Ее юбка промокла – она купала Тедди, – а в волосах застрял клочок пены, похожий на белую гусеницу. Большая Рита тогда только начала у нас работать – всего несколько недель назад, но прозвище уже приклеилось, – и каждый раз при взгляде на нее я испытывала приятное удивление. Поначалу я думала, что она мне не понравится, как не нравились все прошлые мамы помощницы и няни, которых

нанимали после смерти няни Берт два года назад. (Помню резкие шлепки левой рукой и недовольный изгиб губ, похожий на борозды от вилки, процарапанные на пирогах, которые она пекла, – няня Берт мне тоже не нравилась.) Но Большая Рита пришлась мне по душе. Она задавала мне вопросы. Заполняла комнату своим присутствием. У нее были большие руки, прямо как у папы. Но она никогда не раздавала подзатыльники. И если Тедди просыпался посреди ночи, испугавшись теней под кроватью, я слышала, как Рита говорит: «Ты сейчас в самом безопасном месте на свете, Тедди». Как будто все плохое могло происходить только за пределами нашего дома, но внутри – никогда.

И еще Большая Рита не красотка. Ее внешность не бросается в глаза. Наверное, я не должна обращать внимания на такие вещи. Но для меня это важно. Я всю жизнь вижу, как люди смотрят на мамино лицо, потом переводят взгляд на меня и делают вывод, что мне ее красота не досталась. Красивые люди ждут, что ты заметишь их, и никогда не замечают тебя самого. Я сразу поняла, что Большая Рита все замечает. У нее большие глаза цвета мокрого пляжа. И еще мне понравилось ее простое имя: оно навевало мысли о рестораничках с мороженым и о картошке в газетных свертках – обо всем, что мне запрещают есть. («Пока лучше не надо, подождем, пока ты растеряешь свой щенячий жирок, милая», – говорит мама, которая вечно следит за фигурой. И за своей, и за моей.) Я бы хотела такое имя, как у нее. Ненавижу

всем повторять, как меня зовут, и диктовать по буквам. И еще Гера – греческая богиня, покровительница брака – это даже не смешно. Но в первую очередь Большая Рита нравится мне потому, что я нравлюсь ей. Когда папа в шутку сказал, что ко мне приходится привыкать, как к брюссельской капусте, она шепнула мне, прикрыв рот рукой: «Это мой любимый овощ». Кажется, никто еще не говорил мне таких добрых слов. В отличие от других нянь, она водит нас в город, в музеи и галереи, или копать в грязи на берегу Темзы, где мы собираем крошечные замызганные сокровища, с чавкающим звуком месим подошвами ил и морозим пальцы в воде, пахнущей металлом. Пока не отмоешь свои находки в раковине, не узнаешь, что тебе попало.

В тот вечер все было как обычно. Нас обеих переполняло радостное волнение. Я не могла заснуть и попросила еще раз рассказать мне про стеклянную коробку с растениями. Присев на краешек моей кровати, она принялась тихим, мягким голосом объяснять, что террариумы раньше называли ящиками Уорда и предназначались они для того, чтобы люди могли выращивать растения в загрязненном лондонском воздухе и брать их в далекие путешествия, и что это изобретение навсегда изменило ботанику и облик садов Кью, а потом, когда мои веки потяжелели, а голова заполнилась папоротниками, Рита умолкла и укрыла меня простыней – для одеяла было слишком жарко.

Я проснулась в душной темноте. Меня разбудили леденя-

щие кровь крики, разносившиеся этажом ниже. Мама умирала. Я спрятала голову под подушку и подумала: будь что будет, только бы побыстрее, чтобы ей больше не было больно. Большая Рита заглянула проверить, как я, и сказала, что утром в колыбельке уже будет лежать чудесная малышка. Но, когда она поправила прядку, упавшую мне на лицо, я почувствовала, что ее пальцы дрожат.

Через час я открыла окно и встала на колени, уперев подбородок в подоконник и уставившись на крыши, порозовевшие в лучах восходящего солнца. Так я и сидела, когда машина скорой помощи остановилась возле дома в том самом месте, где обычно тормозит с веселым лязгом молочный фургон, а потом акушерка сбегала вниз по ступенькам, и большой фонарь над дверью осветил сверток у нее в руках.

От шока у меня из головы вылетели все мысли, а потом меня вырвало. И я до сих пор ничего не помню. Я постоянно пытаюсь вспомнить, но не выходит: то, что я увидела, будто зачирикано ручкой, как лицо на фотографии. Папа говорит, что это к лучшему. Что бы я там ни увидела, это нужно забыть, а главное — помнить, что у меня всегда было излишне живое воображение. И никогда больше об этом не упоминать.

Сильви

– МОЖЕТ, ТЕБЕ СТАНЕТ легче, если поговорить о случившемся? – мягко спрашиваю я, пододвигаясь поближе к Энни, сидящей на большом белом диване. Меня все еще не оставляет ощущение, что она рассказала мне не все о том, что случилось с мамой; что ее что-то гложет изнутри.

Энни качает головой и покусывает кончик своей длинной рыжей прядки, разглаживая ее, будто ленту. Я приобнимаю ее за плечи. Она одета в толстовку, такая юная, напуганная и дрожащая. Я замечаю, как крепко ее пальцы стискивают мобильник, и надеюсь, что новый парень успел позвонить ей и предложить моральную поддержку. Может, хоть ему удастся до нее достучаться.

По каналу, пыхтя, проходит судно. Даже этот звук кажется каким-то ненормальным. Мир изменился. Помрачнел. Дрожащие тени на стене напоминают падающих людей.

– Бабушка попала в лучшее место из возможных, Энни. – Великолепная специализированная клиника в Лондоне – по месту жительства коек не оказалось. И слава богу, в сотый раз думаю я, цепляясь за крохи хороших новостей. – Я через час вернусь к ней. Поедешь со мной?

Энни кивает, пытаясь выдавить улыбку. Но ее лицо ока-

менело от шока. Глаза похожи на влажное зеленое стекло. Все случилось три дня назад, и с тех пор она то и дело плачет. Да и я тоже. Но оплакиваем мы разных людей. Энни плачет о своей бабулечке, как она часто называла ее в детстве. Я – о маме; не просто о женщине, которой я звоню почти каждый день, чтобы поболтать ни о чем, с которой спорю по пустякам; но о той невыразимой субстанции, что существует между нами, глубокой и бурной, как море, такой огромной, стихийной и сложной, что не передать словами.

– Или я могу отвезти тебя к папе, если тебе хочется побыть у него, – виновато храбрюсь я в неловкой попытке помочь Энни свыкнуться с тем, что у нее теперь два дома и две спальни, весь этот дополнительный ворох проблем.

Я-то не хочу, чтобы она уезжала. Последние пару дней она ночевала в моей квартире, и ее присутствие стало для меня большим утешением. По утрам я садилась на краешек ее кровати и смотрела, как она спит, прямо как когда-то наблюдала за мной моя мама. И старшая сестра Кэролайн, которая выглядывала с верхней полки двухэтажной кровати, свесив вниз светлые волосы, и шипела: «Сильв, ты не спишь?», пока я и впрямь не просыпалась.

Кэролайн придет через четыре дня. Но сегодня Америка кажется еще дальше, чем обычно, и я ужасно боюсь, что к тому времени, как моя сестра долетит к нам из Миссури, маме станет хуже.

– Ну что, принести тебе что-нибудь перекусить? Вкусную

печеньку? – Я вспоминаю, как мама всегда говорит «вкусная печенька», когда достаточно сказать просто «печенька», и на меня с новой силой накатывает горе. Приходится напомнить себе, что она лежит в коме. Ее сердце еще бьется. Мозг не погиб.

Где же она сейчас? Я представляю, как она бьется, запертая внутри собственной головы, возмущенная и раздосадованная, и требует, чтобы ее выпустили. «Мое время еще не пришло!» У нее весь календарь расписан. Нужно прожить еще не одно десятилетие. Сделать столько дел.

– Нет, спасибо. – Голос Энни пробивается через белый шум у меня в голове. – Я даже смотреть не могу на еду. Меня что-то подташнивает. – Она утыкается носом мне в шею, прямо как в детстве. Щеки липкие от слез, дрожащие ресницы щекочут мне кожу.

Я крепко обнимаю ее. Мои глаза медленно закрываются. С тех пор как все случилось, мне удавалось поспать не больше пары часов за раз. Я постоянно подскакиваю, вся скользя от пота, с бешено колотящимся сердцем.

Картины произошедшего то и дело мелькают у меня перед глазами яркими обрывками. Я представляю все как наяву: брызги крови на стене утеса; океан, бурлящий под лопастями вертолета, который забирает маму со скалистого выступа; Энни, которая бежит по дорожке вдоль обрыва, пытаюсь поймать сигнал сети, чтобы дозвониться мне.

Есть еще фотографии на телефоне Энни, сделанные с пе-

рерывом в секунду, отделяющую обычную прогулку по берегу от катастрофы. На первом снимке моя мать улыбается в камеру, одетая в зеленый анорак «Норт Фейс»; на втором осталось только море и небо, а моя мать исчезла, будто пассажир самолета, которого засосало в иллюминатор.

– Бабушка ведь поправится, правда, мам? – бормочет Энни из-под копны моих невымытых кудрей.

– Она... – Я медлю. Мама тоже не гнушалась лжи во спасение. Ради нас с Кэролайн она приукрашивала даже самую горькую правду. Сглаживала острые углы, чтобы было не так больно. Я ничего не могу с собой поделать. Я повторяю за ней. – Бабушка непременно поправится, милая.

* * *

После того как Энни уезжает к Стиву – «домой», как она говорит, и это понятно: там всегда был наш семейный дом, – я еще некоторое время стою возле маминой койки в больнице, привыкая к мысли о том, что поправится она явно не скоро. Когда кто-то из врачей, принимая во внимание ее шаткое положение, осторожно советует мне привести в порядок мамины дела, я сдерживаю крик, стараясь не подавать виду, что всю ночь гуглила слова «черепно-мозговые травмы» и «кома» и довела себя до паники. И потом – мамины дела? Честно говоря, взломать закрытые сервера Кремля и то проще.

– Ладно, – говорю я, пытаюсь держаться, как держалась бы

мама.

Когда врач уходит, я сжимаю ее теплую, безвольно лежащую руку – ту самую, которая заклеивала пластырями мои разбитые коленки, которая до сих пор присылает мне из дома однострочные открытки без особого повода: «Чудесная погода! Видела бы ты, какие у нас люпины!» – и слезы падают с моих щек, расцветая на больничной простыне. Меня не покидает ощущение, что она сейчас в сознании и хочет сказать мне: «Ты там держись, мой цветочек». Я бормочу в ответ:

– И ты, мам. – Мой голос звучит хрипло. В горле встал ком из всего, что я не могу ей сказать, всего, что я так и не сказала.

Сейчас, лежа на спине в тюрбане из повязок, она выглядит моложе. Эта мысль помогает мне воспрянуть духом, потому что я знаю, что мама пришла бы в восторг от таких новостей, хотя и сделала бы вид, что ей все равно. («Лучше быть старой, чем мертвой!» – любит повторять она, но все равно каждый вечер перед сном наносит на лицо крем с ретинолом.)

Травмированный мозг, наверное, кровоточит, левая сторона лица опухла, но костная структура сейчас особенно заметна – именно это лицо несколько десятилетий назад заметил модельный агент. Вот какой она была до того, как появились мы с Кэролайн, до того, как они с папой променяли Лондон на идиллическую жизнь в глуши – куры, пряжи и кардиганы в ромбик – и мама превратилась в такую Линду

Маккартни. Я улыбаюсь, думая о том, что она все равно не до конца растеряла свои модельные замашки. Это как мышечная память. Я замечала отголоски ее прежней жизни в том, как элегантно она набрасывала на плечи пальто, как приподнимала подбородок на семейных фотографиях. У нее всегда была эта свойственная моделям изменчивость, способность перевоплощаться в разные версии себя. Переписывать новое поверх старого. Менять облик.

Я касаюсь ее щеки тыльной стороной ладони. Кожа сухая, как бумага. Так и просит, чтобы мои теплые руки помассировали ее с розовым маслом для лица. Чтобы пальцы легонько наполнили поры увлажняющей гиалуроновой кислотой. Если бы у меня с собой была рабочая косметичка, я бы немедленно принялась за работу, поддурманила бы мамины щеки, смазала бальзамом обветренные губы, покрыла лаком ногти на ногах – все эти мелочи, помогающие нам защититься от мрака. Это моя работа. Я всегда так жила – присыпая самые глубокие, грязные тени блестками из горсти.

Я сижу с ней и смотрю на нее почти целый час, и постепенно ко мне приходит новое, тревожное осознание, что мама не неуязвима. Меня по-детски потрясает эта мысль. Мама может умереть. Может очнуться не такой, как прежде, потеряв воспоминания. И что будет утрачено? Она хранительница всех наших семейных тайн.

Что, если она хотела мне что-то рассказать? Ждала от меня вопросов? Но теперь я не могу их задать. Может, у меня

уже никогда не будет такой возможности. Судьба грубо, без предупреждения вырвала прямо у меня из-под носа правду о том, что на самом деле случилось в далеком лесу в выгоревшее на солнце лето тысяча девятьсот семьдесят первого года.

6

Рита

– УЖАС, ПРАВДА? – шепчет женщина, вторгаясь в границы личного пространства, которые принято соблюдать между незнакомыми людьми.

Входная дверь Фокскота со свистом захлопывается за спиной у Риты и запечатывает тускло освещенный холл, точно тяжелая крышка деревянного ящика.

– Просто ужас, – с пылом продолжает женщина, не обращая внимания на то, что Рита ничего не ответила.

Она не знает точно, о чем речь: о гибели малышки или о других, намного более непристойных слухах, касающихся Джинни. Рита, до совершенства отточившая умение ничего не выдавать, вежливо улыбается и со стуком опускает детские чемоданы на пол. В камине у дальней стены шипят угли, и у нее внутри все натягивается, как струна. Этот полуразрушенный старый дом может вспыхнуть, как вязанка дров.

– Бедные Харрингтоны. Одна беда за другой, а? – Женщина качает головой, но ни одна прядка не выбивается из прически. Гладко приглаженные каштановые волосы с проседью напоминают крыло совы. – Вот так номер.

Глухой стук, доносящийся с верхнего этажа, заставляет Риту вспомнить о детях. Тедди? Да, он. Наверху слышится

его смех. Здесь звук распространяется по-другому, не отлетает от стен, как в лондонском доме, а впитывается в дерево, как пролитое теплое масло. Еще один приглушенный удар. Дождем сыплется штукатурка. Рита поднимает свои большие глаза к потолку.

Он низкий – можно дотянуться рукой, – облувленную штукатурку накрест пересекают толстые черные балки, как обычно бывает в деревенских домах, образуя пыльные уголки и щели, которые так любят ползучие насекомые и, как правило, мыши. Остается лишь гадать, сколько здесь прячется паучков-долгоножек. Стены покрыты деревянными панелями и украшены масляной живописью – пейзажи, собаки – и пыльными пучками сушеных цветов. По крайней мере, ничего особенно ценного. Изъеденный древоточцем столик. Скамья в грубоватом деревенском стиле. Разваливающийся стул, обитый тканью. Вся мебель, стоящая на голых половицах, слегка покосилась, будто на палубе корабля. Рите кажется, что она сама тоже наклоняется и вот-вот сорвется с края в неведомую бездну. Но, наверное, пол тут ни при чем.

– Миссис Гривз. – Женщина крепко пожимает руку Риты, касаясь ее молодой кожи грубой ладонью. – Но вы можете звать меня Мардж. – Она повыше поднимает вытянутый подбородок, подставляя свету выпуклую родинку, из которой растет одинокий, жесткий как проволока, черный волосок. Рита очень старается на него не пялиться. – Домработница. – Мардж улыбается. У нее сероватые, продолговатые

зубы, выщербленные и разные по размеру. При взгляде на них Рите на ум приходит Стоунхендж. – Живу не здесь. Я родом из Хоксвелла.

Домработница. Может здорово усложнить жизнь. С ней лучше не ссориться.

– Я няня...

– Большая Рита, да, я знаю, – перебивает Мардж, окидывая ее пронзительным блестящим взглядом. – Ну, сразу видно, откуда такое прозвище.

Рита с трудом удерживает на лице улыбку. («Шесть футов в тринадцать лет, чтоб меня!» – изумлялись подруги Нэн, заставляя ее сутулиться и сжиматься, задыхаясь от смущения.) Она присматривается к мускулистым рукам Мардж, к сосудистым звездочкам на щеках, к плотной, бесформенной фигуре. Сколько ей, под пятьдесят? Рита не уверена. Ей все, кто старше тридцати, кажутся старыми.

– Добра с детьми. Преданная, как немецкий дог. Снесла боковое зеркало у машины. Бросает красную одежду в стирку с белой. – Мардж облизывает губы. – Мистер Харрингтон мне все о вас рассказал, – добавляет она, и в ее голосе отчетливо сквозит соперничество.

Жаль, что Риту Уолтер ни о чем не предупредил. Разделяй и властвуй. С него бы случилось именно так и подумать. (И кстати, она уже много месяцев не ошибалась со стиркой.)

– Я с любой работой справляюсь, Рита. Вот увидите, подстраиваюсь в два счета, – говорит Мардж, но тон у нее такой,

будто все как раз наоборот. — Я могу быстро доехать сюда в любое время суток. — Она указывает кивком на дверь. — Это мой железный конь там стоит.

Рита вспоминает грудку ржавого металла под кустом жимолости.

— Он быстрее, чем кажется на первый взгляд, — резко фыркает Мардж. — Я много лет работаю в этих загородных особняках. С тех самых пор, как умер муж. Утонул в Северне. — Она цокает языком, будто припоминая его глупость. — Во время прилива.

— Боже, мне так жаль. — Рита смотрит в пол, потом косится на лестницу. Что там делает Тедди?

— Я и сама неплохо справляюсь, — с мрачной гордостью заявляет Мардж, как человек, сколотивший жизнь вопреки всем невзгодам.

Рита невольно меняет свое отношение к ней на более теплое. По крайней мере, они обе независимые женщины. В Лондоне между домашней прислугой легко устанавливались товарищеские отношения: большинство — никому не нужные люди без семей — ютились по чердакам или тесным квартирам, снятым с несколькими соседями. Те, кто не жил у работодателей, выползали по утрам, словно рабочие пчелы, и из грязных бедных районов устремлялись к богатым лондонским улицам и особнякам, чтобы заботиться о чужих детях — кормить их, вычесывать, мазать йодом разбитые коленки, не позволять им попортить что-нибудь в доме. А потом, когда

приближался вечер, они спешили на автобусы или ныряли обратно в метро и возвращались в свои жилища, не оставив следа, будто и не приходили.

– Хотя не сказать, что работа простая.

– О, разумеется, – торопливо соглашается Рита.

– В наших местах домам вредно пустовать. Мгновенно превращаются в развалюхи. Лес берет свое. Сырость. Плесень. Мыши. Короед. Нет смысла держать здесь дом, если им не пользуешься.

Рита кивает. Ей трудно понять, как у людей может быть целый дом, в котором они даже не появляются, не говоря уж о том, чтобы регулярно поддерживать в нем порядок. Она бы все отдала, чтобы купить собственную крошечную квартиру.

– Если бы не я, тут бы шиповник уже сквозь крышу прос.

Рита издает смешок – ей нравится эта идея. Но сверху снова доносится громкий стук, снова сыплется штукатурка, заставляя ее опомниться. Нужно проверить дом на безопасность для Тедди. Все низкие окна должны быть закрыты. Никакой тяжелой мебели, опасно опирающейся о неровные стены. Если где-то скрываются возможные неприятности, Тедди их непременно найдет.

– Я пойду проверю детей, – говорит Рита, снова подбирая чемоданы. – Похоже, Тедди слишком быстро почувствовал себя как дома.

– Жить здесь непросто. – Мардж без предупреждения хватается за рукав блузки. Ноздри домработницы раздуваются. Потом она выпускает рукав и окидывает Риту оценивающим взглядом. – Вы к лесу привычны?

Рита качает головой. Сердце начинает биться быстрее. Если ты потерял обоих родителей на дороге в лесной глуши и тебя в полумертвом состоянии вытащили из разбитой машины, видеть деревья в кошмарах – обычное дело. Она отказывается упиваться жалостью к себе. Ей было шесть лет. А мозг милосердно стер из памяти момент аварии.

– Я так и думала. Девочка из Девона, как сказал мистер Харрингтон.

– Так и есть.

Небо и океан. От одной мысли об этом хочется выглянуть в окно, увидеть полоску горизонта, словно выведенную кистью, серо-зеленый мазок в том месте, где вода встречается с облаками. Рита вспоминает морскую соль, корочкой застылавшую на губах, и рот наполняется слюной.

– Значит, вам нельзя терять бдительность. Гадюки. Бледные поганки. Клещи. А ветки в ураган? Если слышали треск, бежать уже поздно. Старые шахты так и грозят разверзнуться прямо под ногами. Ах да, возле садовой ограды поленница. Если Тедди решит на нее вскарабкаться, она развалится и раскатает его, как слоеное тесто.

– Что ж, спасибо, что предупредили, – только и может сказать Рита, пытаясь сделать вид, что ее таким не напугать.

Описание похоже на форменный кошмар любой няни. Зеленая масса за окном тошнотворно покачивается.

— Браконьеры. Опасные ребята. А лесники вас не потревожат, если не тронете их стада. Эти уголья принадлежат им с давних времен. — Домработница умолкает. В ее глазах вспыхивает какой-то огонек. — О. Прошу прощения. Я должна вас предупредить насчет Фингерса Джонсона.

— Фингерса? — Может, эта женщина немного не в себе, думает Рита. Или от влажной жары и древесного дыма в комнате помутился ее собственный разум. И еще ей давно пора в туалет. Дорога была долгая.

— Одиночка. Высокий. Альбинос. Бродит по лесу. Наш местный Зеленый человек.

Рита представляет себе этого мифического фольклорного персонажа: лицо из переплетенных ветвей и листьев, желуды вместо глаз. Жуть. В окно бьется большой мотылек.

— Чудакам у нас как медом намазано. Вечно бегут от чего-то. Бродяги. Наркоманы. Вот такую цену приходится платить за то, что мы живем в последнем нетронutom уголке английских лесов.

Ритины руки невольно сжимаются в кулаки. За Геру с Тедди она готова пожертвовать собственной жизнью.

— Я не дам детей в обиду, Мардж.

— Должна сказать, вы и впрямь держитесь чрезвычайно уверенно для такой молодой девушки, — раздраженно фыркает та. — Впрочем, с таким-то ростом вы, наверное, и с муж-

чиной справитесь.

В груди что-то знакомо сжимается, в ушах глухим эхом разносятся старые обидные прозвища со школьной площадки – «Рита Рекс», «Коровушка Рита», «Мистер Рита Мерфи», – и она решает, что пора бежать.

– И туфельки вы в лесу изорвете. – Мардж кивком указывает на ступни Риты – та только успела поставить на ступеньку ногу, обутую в сандалию «Кларкс». Она ненавидит свои ноги. И еще больше ненавидит, когда на них смотрят.

В холл врывается свежий воздух и желтовато-зеленый свет: Рита поворачивается и видит в дверях Джинни.

– Я тут подумала, не могли бы вы... – Она осекается. Ее лицо вытягивается. – Мардж, – говорит Джинни, быстро справившись с собственным выражением.

– Миссис Харрингтон. – Мардж приглаживает свой комбинезон быстрыми, дергаными движениями.

– Не ожидала сегодня вас здесь увидеть, – говорит Джинни.

– Ваш муж попросил меня помочь вам расположиться с комфортом, – отвечает Мардж, и ее голос звучит раболепно и в то же время снисходительно.

При упоминании Уолтера Рита краснеет. В голове снова мечутся слова «наш маленький договор», запертые внутри черепной коробки, как мотылек за стеклом.

– Помочь мне «расположиться с комфортом», Мардж? – Джинни натягивает улыбку – для нее это обычное дело: но-

сидеть маску любезности и только потом, подозревает Рита, кричать в подушку у себя в комнате. – Господи. Мне тридцать три, а не девяносто.

Мардж пропускает все это мимо ушей и косится на безымянный палец Джинни, будто проверяет, на месте ли обручальное кольцо.

Мысли Риты болезненно ухают в прошлое, в слякотный декабрьский вечер, когда она вложила свое собственное помолвочное кольцо в руку изумленного попрошайки на мосту Ватерлоо и зашагала вперед. Слезы катились по щекам. Чуть раньше она позвонила Фреду и во всем призналась. У нее в ушах до сих пор звенит его дрожащий голос: «Ты предала меня, Рита». А потом гудки: связь оборвалась, отрезая ее от будущего, которое еще недавно ждало ее дома.

– Я хорошенько проветрила дом, – продолжает Мардж. – Огонь в камине прогонит сырость, миссис Харрингтон.

– Теперь можете звать меня просто Джинни.

– Это обязательно? – после секундного молчания произносит Мардж едким, как уксус, тоном.

В прошлом году, вернувшись из лечебницы, Джинни настойчиво попросила Риту называть ее «по имени, а не по фамилии мужа». Поначалу было странно, но потом она привыкла. Рита вообще успела привыкнуть ко многим вещам, которые раньше казались необычными.

– Как вам угодно, Мардж. – Джинни пересекает комнату, цокая каблучками лаковых туфель, и поворачивается к

большому старинному зеркалу над столиком. Она вздрагивает при виде своего отражения, как будто ожидала увидеть кого-то другого.

Мардж не спешит уйти.

– Вы будете здесь счастливы, миссис Харрингтон. Уж я об этом позабочусь, – решительно заявляет она, как будто добиться счастья – это все равно что отполировать паркет. Достаточно приложить побольше усилий.

– Благодарю вас. – Улыбка сползает с лица Джинни. Воцаряется молчание.

– А у детей, и глазом моргнуть не успеете, древесный сок побежит по жилам, – добавляет Мардж. – Вы не волнуйтесь, лес живо выбьет из них городские замашки.

Джинни широко раскрывает глаза. Рита стоит уставившись в пол, сдерживая нервный смехок.

– Ну, я примусь за ужин, – продолжает Мардж, не желая отступать. – Что скажете насчет ягненка? С картошечкой?

– Не утруждайтесь. Детям хватит простого ужина. Рита нам что-нибудь сообразит.

– Но мистер Харрингтон велел *мне* приготовить ужин. – Мардж бросает на Риту оскорбленный взгляд.

– Ну а я вам говорю, что не нужно. Вы и так уже столько всего сделали, чтобы подготовить дом к нашему приезду. Езжайте домой, ложитесь и отдохните.

Мардж упрямо стоит в холле, как будто глубоко пустила корни в пол.

– У вас такой усталый вид, миссис Харрингтон. Вы совсем худенькая, как жердь. Если хотите выздороветь, нужно как следует покушать.

– «Выздороветь»? – Джинни выдавливает тихий смешок и откидывает волосы, налипшие на шею. – Господи.

– Ну, не буду вас больше задерживать, – говорит Мардж без тени раскаяния и поворачивается к выходу.

Рита следит за мутным отражением домработницы в покрытом крапинками зеркале. Как только она уходит, Джинни вздыхает:

– Боже, она ни капли не изменилась. Вот черт, Уолтер явно и ее завербовал в ряды своих шпионов.

Словно горячая вода, хлынувшая по трубе, Риту переполняют стыд и чувство вины. «Наш маленький договор». Где-то в доме бьют часы с кукушкой. Механизм визгливо подражает пению живых птиц за окном.

Джинни садится на нижнюю ступеньку лестницы, подпирает подбородок ладонями и смотрит на Риту снизу вверх сквозь длинные подкрученные ресницы.

– Нам пора поговорить, правда?

У нее внутри что-то переворачивается. Джинни все знает. Рита указывает наверх:

– Дети...

– О, переживут. – Джинни хлопает ладью по лестнице. – Садитесь рядом.

Рита тяжело опускается на ступеньку. Она испытывает од-

новременно ужас и облегчение при мысли о том, что ее разоблачили. Ничего не остается, кроме как признаться первой.

– Мне так жаль, Джинни.

– Жаль? Да о чем вы говорите? – Джинни озадаченно смотрит на нее. – Боже, какая вы все-таки странная, Рита. Я хотела сказать спасибо. За то, что вы поехали с нами. Честное слово, я благодарна вам от всего сердца.

Потеряв шанс во всем признаться, она не знает, что сказать. Ромбик рыжеватого, как ириска, солнечного света проникает в заляпанное окошко, подсвечивая вихрь пылинок, кружащихся в воздухе посреди холла.

– Не стану лукавить, Рита, вас ждет самое скучное лето в вашей жизни.

Она чувствует, как румянец расплзается по шее, словно сыпь. Джинни смотрит на нее с озадаченным выражением, которое вскоре смягчается, сменяясь сочувствием.

– Вы с Фредом разошлись, верно? С этим вашим мясником. Что ж, по крайней мере, полагаю, вам больше не нужно ездить его навещать.

– Д-да, – выговаривает Рита, изумленная тем, что Джинни вообще запомнила имя Фреда.

Она всегда думала, что для Харрингтонов не существует никакой Риты за рамками ее работы. Может, так и есть. Ближе к концу их помолвки – хотя она еще не догадывалась, что скоро все закончится, – Фред часто говорил, мол, ее настолько затянула лондонская жизнь Харрингтонов, что своей соб-

ственной у нее не осталось; она приросла к этому семейству, как моллюск к борту «Титаника». Причины, по которым Рита не увольнялась, отчего-то казались ей слишком личными, поэтому она болтала о том, что зарплата – намного выше, чем в родных местах – позволяет ей откладывать деньги, на которые они однажды смогут купить домик. Рита знала, что он никогда не поймет, как пребывание в кругу семьи, пусть и в качестве прислуги, помогает ей подкрутить разболтавшиеся гайки своей души. Забота о чужих детях была для нее не просто работой. Без этого всего она теряла почву под ногами. Фред был хорошим парнем – да еще и на полдюйма выше нее. Но она о многом не могла ему рассказать.

– Здесь вы вряд ли найдете нового кавалера, – со вздохом продолжает Джинни. – Сразу предупреждаю.

Рита только рада. После того, что произошло с Фредом, она зареклась связываться с мужчинами.

Резкий стук. Они обе оборачиваются. В дверях стоит Мардж, держа в одной руке связку ключей, как у тюремщика, а во второй, высоко поднятой, – большие потертые кожаные берцы с развязанными шнурками.

– Решила захватить их из сарая для вас, Рита. Ботинки Робби, нашего лесника и плотника. Он их все равно не носит. Как я уже говорила, вам здесь понадобится обувь покрепче. Вроде как раз придутся впору, а?

Мужские сапоги. Как унижительно.

– Ну, теперь оставляю вас в покое. – Это вряд ли. Мардж не

двигается с места. Потертые берцы лежат у ее ног, как псы, ждущие команды.

– Вы что-то еще хотели, Мардж? – натянуто произносит Джинни.

– Не знаю, уместно ли мне говорить об этом...

Так не говорите, безмолвно умоляет Рита, вспомнив, как миссис Пикеринг из тридцать пятого дома после такого вступления выдала: «Ничего, родишь нового, Джинни». Руки Джинни, лежащие у нее на коленях, начинают переплетаться. Они всегда ее выдают.

Мардж облизывает зубы.

– Я слышала, что случилось с вашей малышкой, миссис Харрингтон, – выпаливает она, будто заранее заготовила речь. – Глубоко сожалею о вашей утрате.

Молчание затягивается. Рита вспоминает утро после рождения малышки: как она убирала из хозяйской спальни мессиво, в которое превратились газеты на полу, пропитанные кровью; забытая стопка испачканных полотенец на подоконнике; металлический запах, повисший в воздухе. Пустая колыбелька.

Мардж шаркающей походкой направляется обратно в коридор.

– Пойдите, – вдруг говорит Джинни.

Мардж вытягивается по струнке. Рита готовится к неизбежному.

– Спасибо. – Руки Джинни замирают. Кольцо с бриллиан-

том поблескивает в землистом коричневатом свете. – За то, что не отрицаете существование моей малышки, как большинство.

Мардж расслабляется с почти осязаемым облегчением.

– О, я забыла. Еще кое-что.

Ну, все. Теперь она точно не уйдет, думает Рита.

– Сегодня звонил какой-то мужчина. Еще до вашего приезда. Просил позвать к телефону вас.

Джинни тут же выпрямляется, как слабый росток после полива.

– Не Уолтер?

– Точно не он. – Мардж прищуривается и повнимательнее присматривается к Джинни. – Звонил три раза. Но имя называть отказался.

О нет. У Риты внутри все обрывается. Только не он. Только не здесь.

– Как странно, – слабо выговаривает Джинни.

Воздух вдруг становится разреженным. Проходит несколько секунд.

– Ну, хорошего вам вечера. – Мардж удаляется, звеня ключами.

Джинни прикрывает рот рукой. Рита сидит неподвижно и не смеет произнести ни слова, только слушает, как дыхание Джинни учащается, как смесь боли и желания вырывается из ее губ сквозь хрупкие, увешанные бриллиантами пальцы.

Гера

ДОН АРМСТРОНГ КОГДА-ТО БЫЛ папиным лучшим другом. Они вместе учились в Итоне, и на старой школьной фотографии, которую папа швырнул об стену на Пасху, они широко улыбаются, глядя друг на друга, а не в объектив, как будто слышали шутку, понятную только им двоим. Через несколько лет после выпуска именно Дон позвал папу на вечеринку, где тот познакомился с мамой. По семейной легенде, каблукочек ее туфельки на шпильке застрял в решетке ливневки и отломился. Дон на закорках донес ее до стоянки такси, а папа сел с ней в машину и сопровождал маму до ее комнаты в Кенсингтоне. «Командная работа», – всегда говорила мама.

В свадебном альбоме родителей они снова стоят рядом, приобняв друг друга за плечи. Дон в роли шафера выглядит примерно так же, как и сейчас, – загорелый, широкоскулый, русоволосый и будто всем своим видом хочет показать, что он здесь главный. Папа, бывало, шутил – в те времена, когда он еще не растерял чувство юмора, а любовные похождения Дона были забавной темой для разговоров, а не кровоточащей раной, – что Дон не облысел, потому что не завел себе «обузу» в виде семьи и никогда в жизни толком не работал.

Ему в наследство достались акции и ценные бумаги, а папе – полуживая старая стекольная компания и нерентабельная кварцевая шахта в Африке. У Дона на уме были одни приключения. У папы – совещания, стекловаренные печи и баствующие шахтеры.

Дон много путешествовал. Мама время от времени посматривала в окно и говорила что-то вроде: «Уолтер, когда мы в последний раз видели Дона? Надеюсь, он не вляпался в какие-нибудь неприятности», – и ее голос всегда звучал как-то слишком высоко.

Проходило некоторое время – несколько дней или недель, мы никогда не знали наверняка, – и Дон снова объявлялся у нас на пороге, помятый после долгого перелета, и его голубые глаза поблескивали, как бусинки, на загорелом лице, а карманы выцветших на солнце штанов цвета хаки были набиты историями и подарками для нас с Тедди: тигриный клык, золотой индийский браслет, деревянная маска с глазами-щелочками, которая смеялась в моих кошмарах.

За ужином он вытворял шокирующие вещи – например, помогал маме на кухне, чего мой отец не стал бы делать даже раз в миллион лет.

– Посторонись-ка, Джинни, я сам потолку картошку, – говорил Дон и устраивал жуткий бардак: жир брызгал во все стороны, картошка катилась по столу, а мама смеялась, прислонившись к холодильнику, и ее ничуть не тревожила масляная пленка на полу, раздражавшая ее в любой другой си-

туации.

А после ужина разговоры шли уже не о том, что Пикеринги сделали со своим садом («Это же надо додуматься – пересадить эти старые розы!»), и не о том, что семейство Смит-Бернет приобрело домик для отдыха во Франции. Мы переносились в другой мир.

Дон садился в папино кресло – никому больше его не предлагали: кожаная обивка приняла форму папиного тела, как седло. Он откидывался на спинку, держа в руках бокал виски со льдом, рассказывал о своих путешествиях, и казалось, что глобус в гостиной сам начинал вращаться вокруг своей оси. Марракеш. Париж. Бомбей. Больше всего Дон любил охоту в Кении. Он словно заново переживал все во время рассказа: грохот выстрела и отдача, бьющая в плечо; возторг, переполняющий охотника, когда огромный зверь падает на землю.

– Чем ближе оказываешься к смерти, тем отчетливее чувствуешь себя живым, – говорил Дон.

Иногда отец бормотал что-то про температуру в стекловаренных печах или про глубину своей кварцевой шахты в Намибии, которая осталась ему в наследство от любимого дядюшки и которую он называет «своим самым затратным и трудным ребенком» и отказывается продавать. Но ни то ни другое не могло прогнать из нашего воображения едкий запах львиной крови, и Тедди всякий раз просил его не перебивать. А мама сидела, поставив локти на колени, подпирая

подбородок рукой, и всем телом тянулась к Дону, и все, чего она не успела попробовать в жизни, все места, где ей не довелось побывать, отпечатались морщинкой у нее на переносице, как штамп, который ставят на почтовые марки. (Папа никогда не брал ее с собой в поездки. Ей приходилось сидеть дома с нами. «Обороняй наш форт», – говорил он.) Когда Дон уезжал, в ее глазах появлялось непонятное отстраненное выражение, примерно такое, как вчера в машине по дороге в Фокскот: она думает, что за этими большими темными солнечными очками ничего не видно, но это не так. Я все вижу.

Дон никогда не задерживался надолго. И в *те самые* выходные он тоже не задержался. Всего на одну ночь остановился в гостевой спальне, пока папа был в деловой поездке за границей – уже больше месяца. На следующее утро я увидела, как мама выходит из гостевой спальни. Ее лицо сияло, волосы были взлохмачены, тушь растеклась по скулам, и казалось, будто за ночь ее разобрали на части и сшили заново. Это было примерно за три месяца до того, как она объявила о своей беременности и назвала предполагаемую дату рождения ребенка.

До этого раз в месяц в нашем доме сгущались тучи. Мама отправлялась в постель с таблеткой аспирина и грелкой. Я замечала в унитазе капельки крови и понимала, что ребенок, которого они с папой так старались сделать, – тот самый, которого когда-то планировали родить вскоре после Тедди, – опять не получился. И я молилась, чтобы он поскорее полу-

чился. Но только не так.

Не знаю, что заставило меня сделать подсчеты. Повнимательнее изучить учебник по биологии. Наверное, я просто знала. И папа, кажется, тоже. Сейчас, когда я думаю об этом – а я по-прежнему часто об этом думаю; мысли скачут и кусаются, как блохи, – то понимаю, что во всем, что с нами случилось, виноват Дон. И ему ничего за это не было.

Сильви

ДНИ ПРОЛЕТАЮТ В ЛИХОРАДОЧНОМ ритме. Спасаясь от грызущего меня страха, я перескакиваю от одного мгновения к другому в тумане суеты. Между поездками в больницу и звонками на мамин телефон, чтобы снова и снова прослушать запись ее голоса на автоответчике, я с маниакальной озабоченностью пытаюсь превратить квартирку Вэл в настоящий дом. Я хочу, чтобы Энни сама хотела проводить здесь побольше времени, а не заглядывала из чувства долга.

Когда Кэролайн прилетит из Америки, мне нужно, чтобы она тоже одобрила мое новое жилье, а не сочла его отражением кризиса среднего возраста, настигшего ее безумную лондонскую сестричку. Я набрасываю шерстяные пледы на девственно-чистый белый диван и готовлю по маминым рецептам, которые помню с детства: торт «Красный бархат», грибной киш на тесте бризе и соленый рыбный пирог.

Моя работа как будто существует где-то в другом измерении. В измерении, в котором мне теперь невыносимо находиться. Так что я отмахиваюсь от всех новых проектов, включая пятидневные съемки каталога в Греции. То, что я работаю на себя, еще не значит, что я не могу взять отпуск по семейным обстоятельствам.

Пиппа, мой агент, язвительно замечает, что я, конечно, могу, просто оплачивать его никто не будет.

– Отдохни, сколько будет нужно, – говорит она, а потом более сурово: – Но не слишком долго.

Мы обе знаем, что я сильно рискую, пропадая с радаров, когда многие другие визажисты – молодые, согласные на любую работу, активно ведущие соцсети и блоги с полезными советами – готовы составить мне конкуренцию. Я не говорю Пиппе, что сейчас не способна нарисовать ровную стрелку – руки трясутся; что почти не сплю, а когда кто-нибудь спрашивает, как у меня дела, я понятия не имею, что отвечать.

Нет таких слов, чтобы описать это странное, неустойчивое состояние, в котором я оказалась. Скорбеть пока рано, но чувство потери выбило у меня почву из-под ног, и каждый день мне не хватает привычных звонков и непринужденной болтовни, электронных писем, планов на Рождество, которые мы с мамой почему-то начинаем обсуждать уже в августе. Я дохожу до даты в ежедневнике, на которую мы с ней планировали поход на новую выставку в Музее Виктории и Альберта. И я представляю, как это происходит в параллельной гипотетической вселенной, как мы идем мимо греческих статуй и мама, по своему обыкновению, говорит: «Я готова здесь поселиться».

Поскольку сейчас я живу на кофе и адреналине, вес начинает уходить. (Приятно, несмотря на обстоятельства.) Сердце постоянно колотится со скоростью десять километров в

секунду. Глядя в зеркало, я замечаю, что у меня дергается левый глаз. Мы часто думаем, что другие люди не замечают в нас таких мелочей, – нет, замечают. И тем не менее. Мужчина на черном нэрроуботе, тот самый, что играет на гитаре и носит потрепанную шляпу, придающую ему сексуальный, щегольской вид, начал улыбаться мне всякий раз, когда я прохожу мимо него по бечевнику⁵, нахмурившись после очередного посещения больницы. Или, бывает, я сижу на балконе, размышляя и наблюдая за цаплей, и вдруг замечаю, что он смотрит на меня с палубы. Возможно, он чокнутый или просто подслеповатый, но его улыбка всегда похожа на вопрос. Один раз я даже улыбнулась в ответ.

Звонит Стив.

– Тебе плохо, так ведь? – Пассивная агрессия. Наверное, Энни что-то ему рассказала. – У тебя какой-то безумный голос, Сильви. Это просто дикость, что ты в такое тяжелое время сидишь одна в квартире Вэл. Возвращайся домой, детка. Я о тебе позабочусь.

Предложение такое соблазнительное, и так хочется трусливо махнуть на все рукой – хватит, надоело, – что мне приходится присесть, чтобы все обдумать.

Я могу вернуться в свой брак, в свой дом, к совместно-му бюджету, на свое место, как ложечка в ящик со столовыми приборами, и Энни больше не придется с недовольным

⁵ Дорога, проложенная вдоль канала, изначально предназначенная для буксирования судов вручную или лошадьми.

видом метаться между двумя спальнями. Но что-то внутри меня противится этому решению. Я вспоминаю слова Энни: «Так ты все это время жила во лжи?» Вспоминаю, как долго пыталась закупорить и спрятать болезненные, неловкие стороны своей жизни. И держусь изо всех сил, будто выпала из окна и едва успела ухватиться кончиками пальцев за подоконник.

– Ты же знаешь, что сама всегда была своим злейшим врагом? – говорит Стив, прежде чем повесить трубку, и я тут же вспоминаю, почему ушла.

Меня спасает Кэролайн, перелетевшая через Атлантику и выплывшая из пункта таможенного контроля в шатре из лаймово-зеленого льна, вся в поту, с широкой улыбкой, будто пилот бомбардировщика, который пережил еще один тяжелый вылет. (Моя сестра ненавидит летать и всякий раз в самолете становится крайне религиозна.) Мы обнимаемся, и я вдыхаю успокаивающий аромат ее американского дома с верандой и уютными комнатками, где живет большая, буйная, любящая семья и три слюнвявые собаки, – и запах тысяч миль, которые ей пришлось преодолеть, и долгих месяцев разлуки.

Кэролайн вышла замуж за Спайка, директора транспортной компании, чудесного человека, огромного как амбар. У них пятеро несовершеннолетних детей, в том числе Альф, семилетний мальчишка с синдромом Аспергера, которому постоянно нужно, чтобы мама была рядом. (Мы часто созва-

ниваемся в «Скайпе».) Мы настолько разные, насколько вообще могут быть сестры. Она большая, светловолосая, уравновешенная и надежная, как лабрадор. А я всегда была худой, темноволосой, нервной, подвижной, как ведьмина кошка. Ах да, и Кэролайн умудрилась остаться счастливой в браке, как наши родители.

– Вижу, ты по-прежнему одета как на похороны, сестричка. – Она широко улыбается.

Моя любовь к черной одежде – это одна из наших вечных тем для шуточек. Кэролайн обхватывает меня за плечи.

– И предательски стройная! С тех пор, как мама упала, я набрала шесть фунтов, налегая на печенье, а ты похудела на размер. Как это вообще возможно? Ты там чем питаешься, одними стейками и ягодами с куста или какой-нибудь модной дурью? Скоро у тебя изо рта будет пахнуть как у пещерного человека.

Я смеюсь. Ее присутствие приносит мне невероятное физическое облегчение.

– Или... – Она прищуривается. – Ты ведь не?..

– Не чего?

– Не занимаешься сексом со всеми подряд, как кролик?

– Господи, нет! Кэро, я сейчас настолько далека от секса, что могла бы податься в монашки. – По какой-то нелепой причине на ум приходит мужчина в шляпе на нэрроуботе.

Кэролайн приподнимает одну бровь.

– А почему тогда покраснела?

– Прилив.

– Ты же знаешь, что я тебе не поверю! Ты до сих пор выглядишь на тридцать. Это ужасно бесит.

– Ну-ну. – Но я чувствую, как мои губы расплзаются в широкой улыбке. Это так странно – испытывать невероятную радость по поводу приезда сестры, когда это счастливое воссоединение произошло по самой страшной причине.

Вскоре мы уже болтаем с огромной скоростью, и в конце концов расстояние между нами смыкается и ее трансатлантический акцент перетекает в британский, и кажется, будто мы в последний раз виделись буквально вчера. Мы снова становимся детьми. Вот я лежу на нижней полке двухэтажной кровати и тяну вверх руку, чтобы коснуться ее пальцев, свесившихся ко мне сверху. Мы пешком возвращаемся из школы по заросшим девонским тропинкам, большие школьные ранцы давят нам на плечи, а руки рвут полевые цветы – нивяники и дикую морковь, растущие на берегу, – чтобы подарить маме за чаем. Мама отворачивается от раковины, вытирая мыльные руки о джинсовую юбку-трапецию. Воспоминания разом накатывают на меня, перетягивая время, как пояс, и у меня перехватывает дыхание.

– В чем дело? – спрашивает Кэролайн, искоса глядя на меня. – Я что, настолько растолстела, что мне лучше не надевать зеленое? Я похожа на куст?

– Нет. Ты шикарно выглядишь. – Я убираю ее сумку в багажник. Ручная кладь. Значит, приехала ненадолго, думаю

я, и в груди надувается мыльный пузырь разочарования. – Я просто по тебе соскучилась, вот и все.

Она обнимает меня за плечи.

– И я по тебе.

* * *

Едва увидев нашу прекрасную маму – неподвижно лежащую на больничной койке, застрявшую в непроглядном мраке комы, подключенную к аппаратам для поддержания жизни, – Кэролайн начинает плакать.

Я ведь ее предупреждала. Но к такому невозможно подготовиться. Я беру ее за руку. Ладонь горячая и влажная. Моя сестра ненавидит больницы и избегает их так же старательно, как перелетов. Это неудивительно – в детстве ей пришлось пережить множество операций.

– Поверить не могу. Она казалась мне неуязвимой. Она же никогда не болеет! Даже простудой. Ох, Сильви, мне теперь ужасно стыдно, что я живу так далеко.

– Даже если бы ты жила в соседнем доме, все равно не смогла бы это предотвратить. – Я протягиваю ей бумажный платочек. – Кэро, есть вероятность, что, если... когда она очнется... – Я тяну время. Это сложная, запутанная, многослойная тема. – У нее могут быть провалы в памяти. Я обязана тебя предупредить.

Я наблюдаю за тем, как эта новость постепенно отража-

ется на лице моей сестры. Как и я, она никогда не задумывалась о том, какой пласт семейной истории может исчезнуть вместе с мамой, как исчезает полароидная фотография, слишком долго пролежавшая на солнце: сначала остаются серые силуэты, а потом совсем ничего.

Проходит несколько секунд. Кэролайн цепляется за мой мизинец своим и встряхивает рукой. Я облегченно улыбаюсь. В детстве мы постоянно так делали, как бы говоря: мы сестры, а остальное не имеет значения; мы не будем говорить о прошлом, полном неведомых чудовищ.

– Я просто хочу, чтобы она поправилась, – говорит Кэролайн.

– Я тоже.

Некоторое время мы молча смотрим на маму. Аппараты пищат и гудят.

– А знаешь, есть небольшой шанс, что она нас слышит.

– Ого. Правда? – Кэролайн наклоняется к койке. – Я принесла твоё свадебное фото, мам. – Она лезет в сумочку и достаёт небольшой снимок в рамочке, на котором наши родители стоят у дверей регистрационного отдела Хакни. (Они улыбаются друг другу с сияющими глазами, как будто сами не верят своему счастью.) Кэролайн ставит фотографию на тумбочку, как бы напоминая медицинскому персоналу, что мама – это личность, женщина с историей, а не просто сидящая пациентка в больничной одежде с завязками на спине, по глупости упавшая с обрыва. – Ну вот. Великолепно.

Занавески раздвигаются. Кэрри. Моя любимая медсестра, которую я ценю за непрофессиональный фыркающий смех, так похожий на мамин. Я знакомлю их с Кэролайн, а потом достаю газету со статьей о мамином спасении, которую я приберегла для сестры, и показываю им обеим.

– О-о. Не каждый день доводится менять капельницу известному человеку, – говорит Кэрри.

– Жаль, что ты этого не видишь, мама. – Кэролайн встряхивает газету, разворачивая. – Ты только-только стала популярной.

Мамин несчастный случай совпал с напряженными общественными дебатами о финансировании спасательных служб береговой охраны. Поскольку большинство зевак в первую очередь начали фотографировать – мама, лежащая заворачивающе близко к краю пропасти, превратилась в настоящий кликбейт, – новость быстро попала в соцсети и местные девонские газеты, а потом невероятным образом просочилась в крупную прессу.

– Почти как Кардашьян, – говорю я.

Мы ждем, что мама вот-вот улыбнется или скажет: «Кто-кто-шьян?», изображая невежество, чтобы нас повеселить. Но она этого не делает. Мама. Ее чувство юмора. Ее секреты. Все умолкло.

– Вы двое не слишком старые для ночных посиделок? – Четыре дня спустя Энни выходит из спальни, одетая в пижаму, которую я привезла ей из Парижа, и встревоженная.

Я вдруг вспоминаю, как заползла на диван к Кэролайн посреди ночи, измучившись мыслями о том, что скоро она улетит обратно в Америку. Полночи мы не спали, обсуждая прогнозы врачей касательно маминого состояния, измены Стива, розовые угри, от которых страдала Кэролайн, и то, что Энни получила предварительное приглашение в Кембридж на учебную программу по математике, – мы с сестрой решили, что это ужасно здорово и вообще прямое доказательство того, что однажды моя дочь будет править миром. Мы плакали и смеялись. Мы явно выпили лишнего. Улики в виде бокалов из-под вина до сих пор стоят на журнальном столике в компании пустых упаковок из-под чипсов – в восемь утра это выглядит жутко.

– Твоя мать сбила меня с пути истинного, Энни. Она постоянно так делает. А теперь у меня во рту такой привкус, будто там кто-то сдох. Иди сюда, мы подвинемся. – Кэролайн похлопывает ладонью по кровати.

Сегодня утром в ее акцент возвращаются американские нотки, как будто она уже одной ногой по другую сторону Атлантики, вместе со Спайком и детьми. Хотя я знаю, как ее

терзает необходимость оставить маму, но я чувствую, как ей хочется поскорее вернуться к семье. Я почти готова простить ее за то, что она уезжает.

Энни плюхается на кровать, берет пульт и включает телевизор. Начинается выпуск новостей. Наши сонные взгляды устремляются к экрану. Прогноз погоды: тепло и облачно.

– Я кое о чем вам не рассказывала, – вдруг выдает Энни. Температура в комнате резко падает. – Это я виновата. Бабушка упала из-за меня.

– Что? – На дне моих глазниц пульсирует вино.

– Энни, не говори глупостей, – с коротким смешком говорит Кэролайн.

– Вы не понимаете. Если бы я не попыталась ее сфотографировать... – начинает Энни. Ее голос надламывается.

– Ох, милая, и поэтому ты решила во всем винить себя? – вздыхаю я. – Край обрыва посыпался, и она соскользнула. Просто не повезло. Ужасно не повезло.

– А делать селфи еще опаснее! Люди постоянно падают с обрывов в попытке сделать селфи. Делают шаг назад и... Тьфу! – Кэролайн резко осекается, увидев, что Энни смотрит на нее в ужасе, а я качаю головой. – Простите. Боже. Простите. Ну вот, опять я со своим длинным языком.

– Теперь видишь, сколько мне пришлось вытерпеть за долгие годы? – шучу я, пытаюсь поднять всем настроение.

Энни почти улыбается. Кэролайн приподнимается и усаживается повыше.

– Ну, тогда расскажи нам про своего нового парня, Энни.

Моя дочь мгновенно мрачнеет и качает головой. Кэролайн косится на меня. Немой вопрос пробегает между нами, как электрический разряд.

Новая тревога пронизывает меня мраморными прожилками. В прошедшую неделю я настолько сосредоточилась на маме, что до сих пор почти ничего не знаю про Эда. Нет, не Эда. Эллиота.

– Ладно, – говорю я. Получается как-то неестественно высоко, с притворной бодростью. – Будете панкейки? Толстые, по рецепту от Найджеллы, с голубикой. Что скажете?

– Кто устал от панкейков – тот устал от жизни, – кивает Кэролайн.

– Мне что-то нехорошо. Кусок в горло не лезет. – Энни выбирается из-под одеяла и ставит ногу на коврик.

– Постой. – Кэролайн раскрывает объятия. – Пока я еще не свалила. Последние коллективные обнимашки. На удачу, чтобы мой «боинг» не свалился с неба. Вы же знаете, какая я жуткая невротичка.

Энни остается: Кэролайн настоящая заклинительница подростков. Мы обе обнимаем ее и долго сидим в таком положении, защищая друг друга от внешнего мира. С тех пор, как мама упала, я не сидела спокойно ни минутки и ни с кем как следует не обнималась. Теперь в груди словно распутывается тугий узел. По щекам бегут слезы.

– Ну-ну, девочки, – говорит Кэролайн, переключаясь на

твердый тон, выдающий в ней мать пятерых детей, – пока мы совсем не расклеились, думаю, нам нужно напомнить себе о том, что наша пациентка крепкая, как старые башмаки, правда?

Я киваю и утираю слезы. На внутренней стороне век вспыхивают похмельные искры – словно скелеты деревьев, целый лес из красных сосудов. Мне вдруг кажется, что мама совсем близко. Она никогда не сдастся, вот и я не должна.

– Энни? – зовет Кэролайн.

– Да, – слабым голосом произносит та.

– Ну вот. – Кэролайн снова прижимает ее к себе и целует в макушку. – Совсем другое дело, Энни. Не вини себя. И никогда не забывай: это же бабушка Рита. – Кэролайн бросает на меня быстрый взгляд. Между нами течет взаимопонимание – обмен информацией на секретных сестринских частотах. Потом она договаривает уже совсем другим голосом – мягким, едва слышным, – будто выдыхает сокровенные мысли: – Думаю, наша Рита выпутывалась и не из таких передраг.

9

Рита

ПО ФОКСКОТУ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ мрачная атмосфера, болезненная как синяк. Часы с кукушкой на лестничной площадке отмеряют час за часом, а Джинни все глубже уходит в себя. Они здесь уже четыре дня – и никаких улучшений.

Рита, как сказала бы Нэн, обладает «врожденной веселостью», но даже она чувствует, как под влиянием заражительной печали Джинни из стен Фокскота уходит жизнь. Кажется, даже лес отражает это настроение: в удушливом, неподвижном, теплом воздухе звенят комары и мошки. Облака висят низко, над самыми деревьями, белые и тяжелые, как мокрое белье на веревке.

По правде говоря, Рита не ожидала, что новый «эпизод» случится так скоро. И что Джинни так резко покатится на дно, будто сорвавшись в старую лесную шахту, заросшую мхом и прикрытую листьями. А Рита теперь разрывается между двух огней. Насколько допустимо исказить действительность? Она обещала обо всем сообщать Уолтеру – таков был уговор, и потом, он бы сказал, что муж имеет право знать. А вот Рита не уверена. «Не говорите ничего Уолтеру, ладно?» – пробормотала Джинни вчера утром, и чашка

дрогнула в руке Риты, плеснув чаем на запястье.

При мысли о том, что Уолтер может использовать эти сведения – полученные от нее сведения! – против Джинни, Рита готова из кожи вон лезть от стыда. Что, если Уолтер и его жуткие частные доктора воспримут этот новый срыв как повод вернуть ее в «Лонс»?

Прошлой ночью Рита не могла уснуть, металась и ворочалась, пытаясь понять, как ей быть. Мысли бегали, как мыши под прогнившими половицами. Утром она проснулась, так ничего и не решив.

Похоже, единственный выход – это быть краткой. «Пятница. У Дж все еще мигрень. Потеряла аппетит», – пишет Рита, сидя за столом в своей душной спальне, упиравшись коленями в грубую нижнюю поверхность столешницы. Она покусывает кончик ручки, смотрит на террариум – папоротники в восторге от приятного приглушенного света – и снова на страницу. Нет, даже такие скудные подробности опасны – Уолтер догадается, дурочка, – так что Рита зачеркивает все, захлопывает тетрадку и заталкивает ее в ящик стола. Она ненавидит эту тетрадку. И с ужасом ждет нового звонка от Уолтера.

Он звонил вчера после обеда, явно взволнованный, – Рита соврала, что Джинни ушла на прогулку, – и рассказал, что шахта в Намибии обвалилась в самый разгар смены. Настоящий кошмар. Ему нужно немедленно отправляться туда, так что он не сможет приехать на выходных, как надеялся. Рита

попыталась представить муки несчастных шахтеров, погребенных заживо. Подумала о детях, которые лишатся родителей, и о том, как их жизнь в одно мгновение изменится до неузнаваемости. Все это заставляло посмотреть на проблемы в Фокскоте с другой стороны. И все же Рита невольно испытала огромное облегчение, узнав, что Уолтер уезжает из страны. Она заверила его, что в Фокскоте все в порядке. Джинни в прекрасном настроении. Беспокоиться не о чем.

Ее первая ложь. Она соскользнула с языка с удивительной легкостью, хотя пальцы оставили на телефонной трубке потные отпечатки. Но он позвонит опять: такой человек, как Уолтер, всегда найдет способ проверить жену, даже находясь на другом конце света. И Рите придется снова солгать.

Еще нужно скрывать происходящее от Мардж, которая, по мнению Джинни, «в лагере Уолтера».

Отделаться от Мардж непросто. Чем упорнее Рита отказывается от помощи домработницы, тем решительнее она ее предлагает. То и дело приезжает без предупреждения под выдуманными предлогами на своей ржавой машине, кашляющей выхлопными газами. Вместо того чтобы постучать, открывает дверь своими ключами и упрямо, непреклонно топает по дому, хлопая тряпками, хлопая швабрами и вытряхивая простыни, вооруженная жилистыми колбасами, жирными домашними пирогами со свиной и эмалированными кувшинами молока с пенками – «чтобы поправить здоровье миссис Харрингтон». И вопросы, бесконечные вопросы. «Вы

успели рассмотреть малышку, Рита? Похороны были?» Рита объяснила, что новорожденную увезла скорая. Нет, сама Рита ее не видела. Похорон не было: Джинни слишком плохо себя чувствовала и не справлялась, а Уолтер решил, что всем будет лучше, если они притворятся, что ничего не было. Мардж жадно слушала, прижимая к груди бутылку чистящего средства. «Столько нерастраченной материнской любви. — Она вздохнула, будто получая удовольствие от всей этой драмы. — Не находит выхода».

Как было бы хорошо, думает Рита, если бы эта любовь досталась Тедди и Гере.

Но Джинни не встает с большой кровати с балдахином. Узоры старого дерева, из которого она сделана, напоминают колодки, стоящие в Хоксвелле, ближайшей деревеньке. С карниза свисает клочок паутины. Джинни даже не смотрит в окно, где за густой завесой из плюща покачивается летний лес, — говорит, глазам больно от света. Рита открывает окна, но оставляет темно-красные занавески задернутыми, и они раздуваются от ветра, как огромные легкие.

Виной всему известие о телефонных звонках. Рита в этом уверена. Мигрень началась в их первый вечер здесь, вскоре после того, как Мардж заявила в дом с отвратительно огромными сапогами и упомянула, что какой-то мужчина звонил трижды. Кто еще это мог быть, если не Дон?

С самого начала ее работы у Харрингтонов Дон Армстронг крутился где-то рядом. Поначалу он казался просто

старым другом семьи, дерзким болтуном, который заявлялся в дом во всем блеске своего обаяния. Но потом Дон начал бросать на нее взгляды, вызывавшие у нее странную неловкость. Она видела его во снах и просыпалась в комке из простыней, обливаясь потом и отвращением к себе. Рита начала замечать, что он частенько звонит в будни, когда дети в школе, а Уолтер на работе, и просит к телефону Джинни. И та, прижимая трубку к уху, разговаривает с ним вполголоса какими-то интимными интонациями и поглаживает беременный живот маленькими круговыми движениями.

После того как умерла малышка, а Джинни стала, как говорил Уолтер, «сама не своя», все изменилось: в гости теперь вообще никто не приходил. В магазине люди отводили взгляд, прокашливались и даже отходили от Риты подальше, как будто на ней тоже осталось пятно, такое жуткое, что все боялись об нее запачкаться. Она невольно задумалась о том, что, возможно, мертвые оставляют после себя дыры, обратно пропорциональные тому, сколько им довелось прожить.

И только в последние месяцы – после того как Джинни вернулась из лечебницы, а ударные дозы таблеток начали как следует действовать, – Дон снова начал появляться. Исключительно тогда, когда Уолтер был на работе, а дети в школе. Едва слышав рычание его серебристого спортивного автомобиля, Рита спешила уйти куда-нибудь по делам. Когда она возвращалась, Дона в доме уже не было, хотя в воздухе еще витал запах его одеколона – резкий, с перечными нотками.

А Джинни, только что вышедшая из ванной, расслабленно сидела, завернутая в белое полотенце, и пар поднимался над ее бледной кожей, как желание.

Рита очень старалась не думать о том, чем занимались эти двое. (Чтобы отвлечься, она представляла королеву. Или пожелтевшие ногти на ногах Нэн, которые Рита помогала подпиливать.) Но потом в голове все же мелькала какая-нибудь непристойная картинка: палец, скользящий по внутренней стороне бедра; сочный изгиб ягодицы. Все это сбивало ее с толку. Рита словно сама запачкалась, стала соучастницей преступления. Она этого не одобряла. Матери должны быть идеальными! Но все же у нее невольно теплело на душе, когда она видела, что Джинни снова счастлива и похожа на прежнюю себя.

Если бы только внимание Уолтера действовало на нее подобным образом. Он ведь пытался. Дарил Джинни букеты гвоздик, которые она оставляла в вазах. Кулинарные книги, которые она ни разу не открывала. Новую щетку для ковров. На это было больно смотреть: Джинни натянуто благодарила, Уолтер растерянно признавал поражение. Рита подслушала достаточно ссор, чтобы понять, что он отказывается давать Джинни развод, упрямо рассматривая их «отчужденность» как временное безумие, которое можно вылечить. Уолтер редко упоминал о малышке – «эта штука», так он сказал однажды – и постоянно угрожал, что оставит детей себе. Рита презирала его за это. Но в то же время он был в

положении отвергнутого. А она понимала, каково это.

Рита была почти уверена, что Уолтер знает про Дона, и подозревала, что он сделал ставку на постепенное затухание их романа. В конце концов, лекарство под названием «Дон», как мысленно называла происходящее Рита, никогда не имело долгосрочного действия. Оно было мимолетным – горячий непристойный сон, в котором Джинни спасалась от грызущей ее печали. Дон входил в комнату и затмевал собой все, а Джинни именно этого и хотела. Просто забыться.

После визитов Дона тучи расступались на несколько дней, а потом снова накатывало ненастье. Рита научилась улавливать его приближение: под потолками, украшенными узорчатой плесенью, начинало отчетливо веять холодом. Словно зверь перед грозой, Джинни становилась беспокойной, будто не могла найти себе места ни в собственном доме, ни в собственной жизни. Она постоянно меняла платья. Долго смотрела на телефон. Ссорилась с Уолтером. Срывалась на детей, особенно на Геру. Джинни возвращалась в то состояние, в котором была до визита Дона. Только еще хуже.

Осознав, что уже некоторое время смотрит на обои от «Уильям Моррис», вздувшиеся от сырости на стене, и размышляет о чужой личной жизни, Рита задвигает стул и подходит к окну. Она прикладывает ладони к прохладному стеклу и разминает суставы пальцев.

Оконные ромбики по размеру не больше книги. От старости стекло поменяло структуру, как кожа, наполняя лес по

ту сторону странным движением. Рите кажется, что ее сознание растягивается, подстраивается заодно с глазами, пытаясь разглядеть что-то за ближайшим деревом, потом дальше, не в силах определить, что за серое пятно маячит вдалеке: то ли клочок неба, то ли белесый лист. Лондон остался далеко, в другой галактике. А с ним и Дон. Даже если он снова позвонит, они здесь в безопасности, как беглецы в укрытии. Поэтому не нужно больше беспокоиться. Ее ждет работа. Нужно стирать. Готовить. Оберегать детей от длинного списка лесных ужасов, которые перечислила Мардж.

10

Сильви

– ДА УЖ, это покруче букета хризантем. – Я заглядываю внутрь запечатанного стеклянного колпака, который загадочным образом появился на сестринском посту. Под стеклом малахитово-зеленые папоротники. Мох. Камешек. Белые корни пронизывают смешанную с гравием почву. Как это называется? Террариум, да, точно. Очень круто. Не знаю, почему его появление вызывает у меня такое тревожное чувство.

Что бы подумала Кэролайн? Сестра улетела в Америку почти неделю назад. Мы созваниваемся как минимум раз в день, стараясь поддерживать друг друга. Двигаться дальше нужно с надеждой, а не с унынием – так мы решили. Но теперь, когда Кэролайн нет рядом, это намного сложнее.

– Вы не видели, кто это принес, Кэрри?

– Это было не в мою смену, простите, – отвечает медсестра.

– Немного странно, что даже записки нет. – Подарок щедрый, но странный.

– Может быть, у нашей Риты завелся тайный поклонник, – говорит другая медсестра, набирая что-то на клавиатуре, не отрывая глаз от экрана.

– Может быть, – с сомнением отвечаю я. После смерти папы мама и смотреть не желала на других мужчин. («Я скорее заведу собаку, милая».)

Я поворачиваю террариум, чтобы полюбоваться с другого угла, и только тогда замечаю его: в поросшей мхом ложбинке скрывается миниатюрный – размером со спичечный коробок – домик из эпоксидной смолы. Он резко меняет масштабы всего остального: папоротники становятся деревьями, камешек – валуном. А моя тревога перерастает в нечто иное. Теперь, увидев в террариуме лес, я уже не могу прогнать этот образ.

* * *

Вернувшись в квартиру, я бросаю на пол сумку и скидываю сандалии с ремешками с горящих, ноющих ступней. Мой взгляд цепляется за что-то непривычное, и я вздрагиваю – не ожидала увидеть на диване Энни, завернутую в плед. Я улыбаюсь, довольная тем, что она чувствует себя как дома.

– Приятный сюрприз!

– Привет, мам, – бормочет Энни и косится на телефон едва уловимым взглядом, таким же быстрым, как пальцы, набирающие сообщения, – молодежь! Может, она ждет чего-то от своего загадочного нового парня. Вдруг он на двадцать лет старше? Женат? Я боюсь спрашивать.

– Как бабушка?

– Стабильно, – бодро отвечаю я. По крайней мере, она жива. – Эй, смотри, что у меня. – Я осторожно достаю террариум из соломенной сумки и ставлю его на кухонный стол, чтобы стекло поймало водянистые блики с поверхности канала. Я все еще вижу лес.

– Что это? – Энни приподнимается.

– Террариум. Кто-то оставил его бабушке. Чудесно, правда? Но в палату нельзя проносить растения. Можешь поставить его к себе в спальню, если хочешь.

– Круто. – У нее глаза покраснели. Значит, недавно плакала.

– Знаешь, бабушка бы хотела, чтобы ты все равно продолжала радоваться жизни, – говорю я, протягивая руку к чайнику на полке. Нам нужно выпить чаю. Чашечку вкусного чаю, как сказала бы мама. Я думаю о том, как она всегда радовалась Энни, с какой охотой соглашалась посидеть с ней, когда мне нужно было срочно уезжать по работе – а такое случалось часто. – Это женщина, которая подвезла вас с друзьями в Гластонбери, помнишь? Да еще и сунула тебе в руку тридцатку у ворот. Она была бы категорически против того, чтобы ты раскисала из-за нее. – Я открываю балконные окна, и в квартиру врывается аромат куркумы и жареного чеснока. – Она ужасно тобой гордится, Энни. И всеми твоими достижениями. Математика в Кембридже? Алло?

Энни молчит.

Сама я едва наскребла на проходной балл по математике. Неусидчивая ученица – легко отвлекается, несерьезно относится к учебе, говорили учителя, – я стремилась поскорее перебраться в Лондон, начать зарабатывать, влюбиться и с головой окунуться в буйную красивую жизнь, которая поможет мне сбежать от самой себя. От своей истории. От своей сущности. Энни в сравнении со мной – новая ступень эволюции.

Наверное, мы со Стивом хоть что-то сделали правильно. После четырех выкидышей мы решили прекратить попытки завести еще детей и вложили все свои ресурсы в нашу единственную чудо-девочку. В отличие от меня и Кэролайн, в детстве предоставленных самим себе, мол, что вырастет, то и вырастет, – что поделать, это были семидесятые, – Энни играла на скрипке и в теннис, училась по методике Кумон и занималась с репетиторами в дополнение к школьному образованию.

Мы всегда говорили ей: «Учись как следует – и сможешь заниматься чем угодно, Энни, выбрать любую специальность, какую захочешь. Не останавливайся ни перед какими преградами». И она не останавливалась. Я включаю чайник.

– Кембриджу повезло, что у них будет такая студентка, как ты, Энни.

– Можно, пожалуйста, не грузить меня этим дурацким Кембриджем? – с неожиданной злостью говорит она.

Я оборачиваюсь, озадаченно нахмурившись. Это еще что за новости?

– Я, может, еще не пройду. – Она закусывает нижнюю губу и отводит взгляд. – Я, может, вообще не захочу туда поступать.

Я готова воскликнуть: «Как это не захочешь?!» (Я уже начала фантазировать о ее будущей блестящей карьере с социальными выплатами и стабильностью в комплекте, о том, что ей не придется то пировать, то голодать, как всем фрилансерам, и о том, как она встретит в Кембридже симпатичного студента и в итоге выйдет за него замуж.) Но, почувствовав, что стою на тонком льду, я успеваю вовремя прикусить язык.

Чайник щелкает, но выражение лица Энни подсказывает мне, что день вдруг резко стал неподходящим для чаепитий. И что-то еще изменилось, только я не понимаю, что именно. Между нами какой-то фильтр, нечто смутное, движущееся и хрупкое, как туман, ползущий над каналом ранним утром. Я открываю холодильник.

– Давай пообедаем пораньше. Мы же вроде покупали эти шикарные полосатые помидоры на фермерском рынке?

Энни подходит ближе, наклоняется над разделочным столом и заглядывает в террариум.

– Мам...

– А хумус? – Я отодвигаю в сторону липкую горчицу. – Где он? Прячется где-то.

– Не прячется. – Энни проводит пальцем по стеклу терра-

риума, не глядя на меня. – Я его съела.

– Тогда салями.

– Тоже съела.

Я молча тянусь за разделочной доской.

– Черт. Хлеб закончился. – С канала доносится резкий звук мотора. Кто-то снимается с якоря. Вдруг это тот самый красавчик? – Я сбегая в гастронорм. Минутку. – Я хватаю сумочку. Может, успею пройтись мимо него, пока он не уплыл.

– Мам...

Я чувствую присутствие чего-то осязаемого на кухне. Что-то нарастает. Даже террариум странно поблескивает, как будто внутри застряли светлячки.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– О. – У меня внутри все обрывается. Я боялась этого разговора и в глубине души ждала: сейчас Энни скажет, что хочет остаться жить у Стива. Надежда, которую я пыталась поддерживать в себе всю прошедшую неделю, начинает угасать. Мне ужасно не хватает мамы: она бы знала, что сказать Энни. – Послушай, я знаю, тебе было трудно принять, что мы с папой... – Я не выдерживаю и срываюсь. – И да, ты права, мне следовало с самого начала быть с тобой честнее...

– Я не об этом. – Она прикрывает глаза ладонью. – Мам, все намного серьезнее.

Розовые стены комнаты накрываются, словно опрокинутые кильватером проходящего мимо судна. Тишина накатывает волной, потом отступает. Я говорю:

– Энни, милая, что случилось? – и сама уже чувствую где-то в глубине души, что это будет один из тех самых разговоров, разделяющих жизнь на «до» и «после», и что ничего уже не будет как прежде.

11

Рита

ГЕРА И ТЕДДИ ВЛЕТАЮТ в дверь кухни, запыхавшиеся, взлохмаченные, с карминовым румянцем на щеках. Рита заметила, что детей в лесу охватывает дикое, пьянящее ликование. (Походы в Риджентс-парк никогда не производили на них такого впечатления.) Это ее тревожит, потому что она не может бегать за ними каждую секунду. Они появляются из дыр в заборе, как зайцы, и исчезают в них же. Когда Рита распахивает калитку и кричит «Обед готов!», то задерживает дыхание, и смутная тревога постепенно начинает перерастать в панику, пока дети не выскакивают из зарослей и ржавый крючок калитки не защелкивается у них за спиной.

Рита не может мысленно нанести их на карту, не знает, где они находились в эти минуты ожидания, по каким замшелым оврагам петляли, цепляясь за ветки одеждой и ногтями, какими тропками бежали обратно к дому. Она не может даже оценить, насколько на самом деле опасен лес и стоит ли так беспокоиться. Рита прекращает размазывать зелено-желтые пиккалилли по сэндвичам.

– Надеюсь, вы не лазали на поленницу? – Опасно нагроможденные бревна стоят у нее перед глазами, готовые показаться, словно огромные смертоносные кегли.

– Не волнуйся, Большая Рита, я успела спасти его от верной смерти. Мы не отходили далеко от дома, как велено. – Она насмешливо изображает скаутское приветствие, бросает рюкзак на пол и начинает рыскать по кухне в поисках чего-нибудь вкусного. – Хотя эти грибы странного цвета были вкусные, правда, Тедди?

– Что? – У Риты внутри все переворачивается.

Тедди и Гера заливаются фыркающим смехом, довольные тем, что удалось ее поддразнить.

– Нельзя так шутить, – резко произносит Рита, несмотря на охватившее ее облегчение.

Но она рада видеть, что дети держатся дружно, как и положено брату и сестре, которые вынуждены вместе справляться со скукой и тревогой за мать, лежащую в мутном безмолвном сумраке на втором этаже. Может, оно и к лучшему, что большую часть времени дети здесь сами находят себе развлечения. А времени более чем достаточно. Дни в Фокскоте – от рассветного птичьего хора до закатного переполоха летучих мышей – тянутся вяло и мешковато, поскольку Рите не нравится надолго бросать Джинни без присмотра.

Если бы они остались на лето в Лондоне, все было бы иначе. Даже если бы Джинни впала в меланхолию, она бы, по крайней мере, свободно передвигалась по дому со всеми его удобствами и находила утешение в привычном окружении. А Рита могла бы как следует выполнять свою работу, выбираться в город, чтобы подарить детям лето, которое они за-

служивают, с походами в Британский музей, в волшебную пальмовую оранжерею в садах Кью, а после обеда – за добычей на липкий берег Темзы. Все те занятия, которые Джинни только рада была доверить няне, а Рита – любила всей душой. Ей с трудом верилось, что она еще и получает за это деньги. И сейчас, вспомнив все это – теплый, сладкий запах какао-дерева в садах Кью, испачканный илом черепок викторианской вазы на ладони, – она особенно тоскует по Лондону.

– И зря ты так боишься леса, – говорит Гера, вырывая Риту из размышлений.

– Я не боюсь! – врет она, стараясь придать голосу насмешливую интонацию.

– Если бы я был такой высокий, как ты, я бы вообще ничего не боялся. – Тедди тяжело вздыхает, сдувая кудряшки со лба. – Я хочу побыстрее вырасти.

– Терпение. Однажды ты будешь выше меня. – Рита улыбается, хотя ей почти больно представлять, что Тедди станет взрослым, а его детство затеряется во времени, как бутылка с письмом, брошенная в огромный бурный океан. Она выпутывает колючку из его кудрей. Потом встревоженно принимает. – Откуда запах горелого?

– Мы просто развели маленький костерок, – весело объявляет Тедди.

Гера бросает на брата многозначительный взгляд, заставляя его замолчать, и сует в рот ломтик сыра.

– Все в порядке, Большая Рита. Мы его уже потушили.

У Риты внутри холодеет. Она вспоминает лондонский дом, каким он предстал перед ней в последний раз: резко выделяющийся в полукруге из красивых домов, как гнилой зуб среди здоровых. Штукатурка почернела, глицинии завяли.

– Нельзя разводить костры, глупенькие! – накидывается на детей Рита. – Так, ладно, спички. У кого они? – Она раскрывает ладонь и переводит взгляд с Геры на Тедди, у которого более виноватое лицо.

Но в итоге именно Гера нехотя вытаскивает коробок из плотно набитого кармана шорт и отдает его, обиженно хмыкнув.

Рита ругает себя за то, что не заметила пропажу спичек. Но Фокскот, как и лес, для нее все еще неизученная территория, место, где на каждом углу под личиной самых обычных вещей может скрываться грядущая катастрофа. Пол в подвале усыпан ржавыми челюстями капканов. Топорами. Ножами. Целая коллекция ружей хранится в незапертом шкафу (подходящего ключа она не нашла). Рита даже обнаружила маленький пистолет в жестяной коробке из-под печенья. Когда она обратилась с вопросами к Мардж, та просто пожала плечами и пробормотала что-то о том, что у нее самой тоже есть ружье, как будто хранить огнестрельное оружие среди сладостей – это обычное дело.

Рита прячет коробок на верхнюю полку серванта, к щербатой посуде – туда, где до спичек точно не дотянуться. Она

проверяет савойскую капусту, заготовленную на ужин, отмокающую в холодной соленой воде в кухонной раковине, с одобрением замечает всплывающих слизней и берет в руки кувшин лимонада.

– Держи, Тедди. Поиграй в маму, – не подумав, добавляет она.

Тедди относит кувшин на деревянный кухонный стол, оставляя след из липких капель на полу, покрытом керамической плиткой.

– Сядь, Гера, – велит Рита, не понимая, почему та продолжает смущенно стоять посреди кухни. – В чем дело?

– Я тут нарвала. Для мамы. – Гера наклоняется, достает из рюкзака небольшой букетик нежно-голубых цветов и аккуратно расправляет их на столе. Потом поднимает на Риту взгляд, полный сомнения. – Как думаешь, ей понравится?

Эта неуверенность, эта жажда в глазах Геры поднимают вихрь чувств в душе Риты. Она вдруг вспоминает, как сама терзалась сомнениями и одиночеством в таком возрасте, – странное время, когда ты уже выросла из игр в куклы, но не доросла до того, чтобы самой контролировать свою жизнь. Ты одновременно и боишься, и ждешь приближения взрослой жизни. И все еще отчаянно нуждаешься в материнской заботе.

– О, Гера. Конечно, понравится, как же иначе? Давай-ка я поставлю их в воду. – Она расправляет букет в банке изпод джема.

– А я маме цветов не нарвал, – выдает вдруг Тедди, который сидит на табуретке и тяжело дышит. Его мягкие темные волосы кудрявятся на фоне выцветшей желтой футболки. – Нечестно, что Гера подарит маме цветы, а я нет, – говорит он.

Рита кладет ему на тарелку сэндвич и, наклонившись, срывает корочки.

– Это не соревнование, Тедди, – мягко говорит она, но невольно задумывается о том, что, хотя в своих уличных приключениях дети держатся вместе, дома они больше похожи на лесные растения, которые соревнуются за мамино тепло и свет.

– Я первая придумала, – заявляет свои права Гера.

– Нет, ты втихую их собрала, предательница. – Тедди тянется пнуть ее под столом, но промахивается – нога слишком короткая. Он вытаскивает ломтик сыра из сэндвича и начинает слизывать пиккалилли. Проходит несколько секунд. Рита пытается придумать, как поднять ему настроение, и уже готова пойти за его металлическим конструктором, когда Тедди добавляет: – Мамочке нужны цветы, потому что она опять болеет?

– Она... – Врать Тедди намного сложнее, чем обманывать Мардж. – Просто неважно себя чувствует. – Рита успокаивающе сжимает его плечо.

– Это такой шифр, Тедди, – говорит Гера, даже не пытаясь ей помочь, и тянется за его корочками. – Ты знаешь, что это

значит. – Набив рот хлебом, она бросает взгляд на Риту и возражает: – *Я* ему врать не обязана!

Тедди надувает губы и краснеет, стараясь не разреветься перед сестрой, как маленький.

– Но я хочу, чтобы мамочка поправилась.

– Со временем она обязательно поправится, Тедди.

Тот смотрит на нее пустым взглядом. Рита вспоминает, что в детстве понятие времени тоже ничего для нее не значило. Все хорошее пролетало мгновенно, как вспышка. Скученное – тянулось до бесконечности. А время ничего не решало, как обещали взрослые. Со временем ты просто становился старше.

– Ну-ну, иди сюда. – Рита усаживает Тедди к себе на колени и крепко обнимает. Он пахнет соленьями, землей и мокрой шерстью.

Я люблю этих детей, думает она, и сила этой любви поражает ее, словно резкий удар под дых. Она тут же останавливает себя. Через год-другой Тедди отправится на учебу в школу-интернат, как когда-то его отец (Уолтер однажды сообщил ей сухим тоном, что ненавидел каждую секунду, проведенную в школе), а Рита будет забыта. Останется смутной высокой фигурой на краю семейной фотографии. Она знает, что таков удел все нянечек – любить чужих детей, а потом горевать втайне, когда работа подходит к концу. Но все же никто из ее воспитанников еще не был и вполтину так дорог ей, как Тедди и Гера. И Рита никогда не забудет эту при-

ятную тяжесть на коленях и как Тедди прижимался к ней, всем телом обтекая ее контуры. И как в день, когда Джинни отправили в «Лонс», Тедди повернулся к Рите и сказал: «Теперь ты будешь моей мамочкой?», а ей ужасно хотелось сказать «да».

– Она не хочет нас видеть, да, Большая Рита? – В его голосе все еще слышались мужественно сдерживаемые слезы. – Она слишком сильно болеет.

Рита знает, что он думает о лечебнице, о том, что мама может снова исчезнуть. Это невыносимо.

– Идемте со мной. Вы оба. Наверх.

Рита не стучит, опасаясь, что Джинни сразу велит им уходить. Гера и Тедди втискиваются в комнату следом за ней, но держатся позади, не зная, как их примут. И какую маму они сегодня увидят.

Рита ставит поднос на кровать – молоко, сэндвичи и холодный кекс к чаю, – а потом распахивает шторы, поднимая вихрь из пылинок в середине комнаты, огромный, как цирковой шатер. Она начинает тихо говорить, заполняя застоявшуюся тишину. Под стрехой живут сипухи, а в саду – очень шумный дятел, а Тедди заметил в поленнице медяниц. Рита продолжает болтать через плечо, открывая неподатливую оконную раму, чтобы впустить в комнату сладкий запах листьев и земли. Вдалеке через лес идут овцы, похожие на облака. Она отодвигает плющ, и пчелы взволнованно поднимаются в воздух. Рита отгоняет их рукой.

Джинни приподнимается над гнездом из одеял. Она почти все время спит, но все равно выглядит измученной. Глаза мутные и сонные, кожа под ними иссушенная и синеватая. Рита замечает мешочек с вещами мертвой малышки, торчащий из-под подушки, и у нее внутри все обрывается.

– Мамочка! – Тедди запрыгивает на кровать. Пальцы Джинни вплетаются в его кудри, и она наклоняется к нему со слабой, снисходительной улыбкой.

– Ну, привет, мой солдатик.

Рита манит в комнату Геру, застывшую в дверях. Держа в руках банку из-под джема с цветами, которые уже начали вянуть, та осторожно присаживается на краешек кровати, не решаясь забраться в середину. Рита ободряюще улыбается ей. Цветы все еще остаются незамеченными, но это только пока.

Джинни зевает, прикрывая рот рукой.

– Рита, новых звонков не поступало?

Рита качает головой. Джинни мрачнеет. Заметь цветы, думает Рита. Заметь Геру.

– Я... я тебе кое-что принесла, мама. – Гера ставит банку на поднос и настороженно, искоса наблюдает за матерью из-под неровной челки.

– Гера сегодня утром сходила в лес и нарвала цветов. – Рита мысленно умоляет Джинни похвалить цветы. – Специально для вас.

– Какие красивые, – говорит Джинни с каким-то надры-

вом в голосе, как будто ей больно от этой красоты. Рита с улыбкой смотрит, как она протягивает руку и касается цветка. Но тот мгновенно осыпается на кровать ворохом лепестков, похожих на пастилки «Парма Вайолетс». – Ох, – выдыхает Джинни. – Ох.

Рита морщится. Она смотрит в ошеломленном молчании на облысевший цветок, потом на крупные слезы, беззвучно стекающие по щекам Джинни и капающие на белоснежную простыню.

– Каждый раз что-нибудь идет не так, когда я пытаюсь тебя порадовать, – говорит Гера.

12

Сильви

Я СНОВА ВСТРЯХИВАЮ ТЕСТ на беременность. Нет, как и два предыдущих, он и не думает менять показания. Полоска отчетливая и ярко-голубая. Я сижу за кухонным столом, с недоверием и шоком уставившись на тест, и чувствую, что все мое тело наполнено странной электрической энергией, как будто подтвердившийся результат резко, грубо замкнул во мне какую-то цепь.

– Черт, – тихо бормочу я сквозь ладонь, прикрывающую рот, и бросаю взгляд на балкон, где Энни расхаживает взад-вперед, прижимая к уху беспроводной домашний телефон. Ее лицо опухло от слез. Я слышу обрывки слов:

– Я не знаю... – Эллиот. Должно быть, она разговаривает с ним. И, что бы он там ни говорил, мне это не нравится. – Нет. Не могу обещать... Мне жаль, – отвечает Энни.

Меня накрывает жаркая волна гнева. Я вскакиваю, выхожу на балкон и протягиваю руку, требуя телефон. К моему облегчению, Энни отдает его без возражений и скрывается в глубине квартиры. Через пару секунд я слышу, как захлопывается дверь ее спальни.

Я дрожащей рукой сжимаю горячую трубку. Будто гранату. И понимаю, что я, похоже, совсем не такая мать, какой

представляла себя в подобной ситуации – спокойной, либеральной и практичной. Потому что мне хочется убить этого мальчишку. Хочется грозить летнему небу кулаками в бес-
сильной злобе. Почему именно моя дочь?

Я делаю вдох.

– Алло? – Держи. Себя. В руках. – Это Сильви, мама Эн-
ни.

– Хелен Латэм. – Аристократичный голос. Слегка визгли-
вый. – Мать Эллиота.

На мгновение я полностью теряю дар речи. На судне, сто-
ящем у дальнего берега, открывается люк. Все замедляется.

– Я бы хотела закончить разговор с вашей дочерью, – твер-
до и решительно заявляет Хелен. – Можете передать ей труб-
ку, пожалуйста?

– Будет лучше, если вы поговорите со мной, – возражаю
я, собираясь с силами, готовясь дать ей отпор. – Моя дочь
сейчас слишком расстроена.

– О, Эллиот *в смятении*, – тут же отвечает Хелен презри-
тельным тоном.

– Я бы предпочла, чтобы вы не разговаривали лично с мо-
ей дочерью. – Мне ужасно трудно держаться в рамках веж-
ливости.

Лодочник усаживается на палубе нэрроубота и начинает
бренчать на гитаре. Что-то из Radiohead.

– Послушайте, Вики...

– Сильви.

Цапля, неподвижная как статуэтка, наблюдает за мной с берега. Кажется, будто зеленые солнечные зайчики, которые отбрасывает в мои окна канал, перемешиваются со звуками гитары. И все покачивается. У меня кружится голова. Господи. Моя жизнь – сплошная катастрофа. Все разваливается. Мне срочно нужна мама.

Хелен откашливается.

– Я хочу, чтобы этот вопрос решился как можно скорее.

– Она еще не успела все осмыслить, – говорю я после паузы, старательно сдерживаясь. «Вопрос»?

– Нужна помощь с деньгами?

– Что? Нет. – Значит, Хелен из тех состоятельных лондонских дам, которые привыкли откупаться от проблем. Меня заполняет гнев, темный и смутный, непонятный даже мне самой, но ощутимый на физическом уровне. Я хватаюсь одной рукой за прохладные металлические перила и сжимаю пальцы.

– Могу я напомнить вам, что на кону будущее невинного юноши?

– Не такого уж и невинного. – Мой голос дрожит.

– Эллиоту двадцать один год. Он пытается найти свое место под солнцем. Если Энни вообразила себе... В общем, скажу мягче: он не в том положении, чтобы становиться отцом.

– Энни восемнадцать, она почти поступила в Кембридж.

– Кембридж? – Приятно, что она не может скрыть своего

удивления. — Что ж, — говорит Хелен, едва заметно изменив тон с поправкой на новые сведения, — значит, мы друг друга понимаем, верно? Я перезвоню после выходных. Когда она запишется на процедуру.

Звучит щелчок, и соединение обрывается. Вот черт.

— Сука! — кричу я намного громче, чем планировала. Я зажимаюсь и закрываю лицо липкими ладонями.

— У вас там все нормально?

Я убираю руки и вижу, что мужчина на палубе, перегнувшись через гитару, смотрит на меня. Мне становится жарко.

— Я... Нет. Да, конечно, — кричу я в ответ, а потом убегаю в квартиру.

— Энни? — Дверь ванной закрыта. Я начинаю говорить через нее. — Мать Эллиота не имела права тебе звонить. Что бы она там ни наговорила, не обращай внимания. Эй, у тебя там все в порядке? Можно войти, милая?

Энни не отвечает. Я толкаю дверь. В ванной пусто. Коробки из-под тестов на беременность раскиданы вокруг раковины. Мое сердце на секунду замирает. Я бегу в спальню Энни, окидываю взглядом беспорядок на кровати, белье, разбросанное возле комода, и чувствую, как кровь приливает к голове, будто от резкого перепада высоты. Энни сбежала.

13

Рита

ЧЕТЫРЕ СОРОК ПЯТЬ утра. Мысли снуют в голове, как пчелы в улье. Железная койка опасно покачивается, когда Рита садится на ней и тянется за халатом, который в полу-праке похож на человека, висящего на дверном крючке. Нет смысла и дальше лежать в кровати, безуспешно пытаюсь снова заснуть, думая о Джинни, детях и опасностях, которые таит в себе лес, вплотную примыкающий к садовой изгороди. И, как сухо заметил бы Уолтер, ей платят не за то, чтобы она думала. Ее задача заключается в том, чтобы уберечь их всех от опасности. А для этого ей нужно изучить местность. Взять ее под контроль. Освоиться. Раз уж у нее появился свободный часок, сейчас самое время этим заняться.

На первом этаже особенно хорошо слышно, как дом кряхтит и бормочет, будто старушка, которая никак не усядется поудобнее. Рита на цыпочках проходит по кафельному полу в кухне и, прихватив по дороге печенье, открывает заднюю дверь. Небо на востоке все еще кроваво-красно, словно в отсветах далекого лесного пожара.

Отогнав от себя этот пугающий образ, она натягивает мужские берцы, которые Мардж принесла из сарая, – как ни обидно это признавать, они ей впору – и затягивает поясок

халата – он приятно, успокаивающе давит на талию.

Поломанная плитка на садовой дорожке пошатывается под ногами. В кронах деревьев трещат птичьи песни. Добравшись до калитки, она останавливается возле огромного куста гортензий – белых, как рыбье брюшко, мерцающих во всей своей летней красе – и оглядывается на дом. Крошечные папоротники, проросшие в известке на стенах, машут ей, как детские ручки. Отсюда Фокскот кажется уютным и безопасным. А то, что находится за забором, – совсем наоборот. Рита поднимает крючок калитки, потом замирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.